

След Фафнира

Андрей Мартьянов

След Фафнира

«Лениздат»

2007

Мартьянов А.

След Фафнира / А. Мартьянов — «Лениздат», 2007 — (След Фафнира)

Бурное начало XX века – эпоха пара и электричества, аэропланов, огромных трансокеанских лайнеров и автомобилей. Просвещенный человек и подумать не может о том, что в 1912 году существовало то, что называется волшебством, что древние проклятия способны ожить и пасть тяжким бременем на все человечество, а легендарные драконы вновь встанут на путь разрушения. Весна 1912 года, побережье Рейна, пасмурный дождливый вечер. Незадачливая компания кладоискателей-дилетантов бурно радуется своему успеху: найден знаменитый Клад Нибелунгов, утерянный больше тысячи лет назад. Но дракон Фафнир, хранитель клада, зорко следит за тем, чтобы его сокровища не достались людям...

© Мартьянов А., 2007

© Лениздат, 2007

Содержание

ПРЕДВАРЕНИЕ	5
Часть первая	13
Глава первая	13
Глава вторая	27
Глава третья	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андрей Мартьянов

След Фафнира

Автор выражает искреннюю благодарность Ирэне Бленд (Мигдаль-а-Эмек), Сергею Казакову и Елене Хаецкой (Санкт-Петербург) за помощь консультациями и советами.

ПРЕДВАРЕНИЕ

Он на свободе. Он продолжает терзать наш мир. И я не знаю, как Его обуздать.

Впрочем, я уже слишком стар для того, чтобы гоняться за Ним по всему свету. Теперь я могу лишь следить за проявлениями Его мощи, выплескивающейся то в Южной Америке, то в России, или в иной части света, наблюдать за новыми и новыми жертвоприношениями по телевизору или читать о них в газетах. Воображаю, какие завтра будут заголовки в «Таймс»... И моя коллекция пополнится новой подшивкой, а в список имен будут внесены еще семеро.

Он разгуливает по планете семьдесят четыре года. Вернее, Он вырвался из оков, прежде спутывавших Его тринадцать столетий, а что происходило до поединка с Сигурдом (уж простите старика, но я предпочитаю называть знаменитого нидерландца на северный лад), неизвестно никому. Однако уверен, в древности Он так же пожирал души, приумножая силу разрушения. Я никогда не пытался дать научное объяснение этому невероятному феномену, и полагаю, что физики или математики просто высмеяли бы меня, услышав *такое* объяснение причин тысяч самых чудовищных бедствий, свалившихся на человеческий род после той мартовской ночи 1912 года. Нельзя постичь Его природу средствами материальной цивилизации, увы, увы... Только одна наука способна дать хотя бы небольшое представление – богословие. А вернее, та часть, что занимается демонологией.

Я вздохнул, нажал на кнопку телевизионного пульта и погасил экран. Рука сама собой потянулась к столику, пальцы нащупали переплетенный шершавой коричневой кожей увесистый том. Пошарив в карманах халата я нашел очки, надел и раскрыл книгу наугад. Ну, разумеется...

«Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет; после же сего ему должно быть освобожденным на малое время»¹.

Я – Джералд Слоу, лорд Вулси, точно знаю о каком существе ведется речь в этих строках Апокалипсиса. Еще знаю, что оно было заточено «под печатью» не ровно «тысячу лет», а тысячу триста двадцать семь. С 585 года по Рождеству Христову, до 27 марта 1912-го. Я видел, как печать была сломана. И как Он снова вырвался в широкий мир.

Надеюсь, предсказанное Иоанном в Писании сбудется – это чудовище отпущено лишь на малое время. Но что для Бога мало, излишне много для людей. Семьдесят четыре года – срок полноценной, по нынешним временам, долгой жизни. Все семь десятилетий оно смеялось надо мной. Оно оставляло мне жизнь в самых невероятных передрыгах, будто желая доказать: «Передо мною вы – ничто. И все, что делаю я, отягощает и вашу совесть...»

Сегодня 29 января 1986 года. Мой день рождения. К вечеру соберутся гости, фельдъегерь наверняка привезет поздравление от Ее Величества – королева всегда оказывала мне благосклонность. Я помню Елизавету совсем маленькой девочкой... Я многое помню. За девяносто шесть лет, дарованных Богом, я объездил почти весь мир, познакомился с десятками интерес-

---

¹ Откровение Иоанна Богослова. 20: 2,3.

нейших людей. В том числе и коронованными особами. Но теперь я остаюсь единственным живым свидетелем странных событий, начало которым положила моя случайная встреча с господином Шлиманом... Боже, какая толща времени отделяет меня от того дня! Как это было давно...

– Милорд. – О, это мой секретарь. Не заметил, как он вошел в кабинет. – Милорд, телефонный звонок. Из Лондона. Госпожа премьер-министр...

Тони относится ко мне будто к хрупкой фарфоровой игрушке. Считает, что на девяностолетнего старика и смотреть-то нужно с осторожностью. Вот и сейчас Тони подал телефонную трубку и едва остерегся от того, чтобы поддержать меня за руку. Хотя знает, насколько я это не люблю. Но все равно думает, что человек, который старше на *целых семь десятилетий*, просто не в состоянии поднять новомодную пластмассовую трубочку с кнопками и донести ее до уха.

Я нарочно сдвинул брови, преувеличенно грозным взглядом вогнал Тони в краску и, сжав зубы от боли в пораженных артритом суставах, поднялся с кресла. Даму, даже по телефону, следует приветствовать стоя.

– Доброе утро, – ее голос невозможно не узнать. – Лорд Вулси, от имени правительства Британии я хотела бы пожелать вам здоровья и долголетия.

Маргарет всегда была чуточку саркастична. Но женщине ее положения это можно простить.

– Спасибо, миссис Тэтчер, – я жестом указал секретарю на дверь и Тони, понимающе кивнув, удалился. – Долголетие – как раз то, чего мне очень недостает.

Она чуть слышно рассмеялась.

– Вы не приедете сегодня, мадам? – я вспомнил, что посылал Маргарет приглашение на сегодняшний сомнительный юбилей, – гостей будет немного...

– К сожалению, не получится. – Я представил, как она огорченно приподнимает левую бровь. Излюбленный жест. – День расписан поминутно... Вы смотрели телевизор, Джералд?

– Да, – подтвердил я. В груди нехорошо заныло. Я словно всей кожей заново почувствовал Его ледяное дыхание. – Кошмарные новости...

Мы очень коротко поговорили о каких-то незначущих мелочах – здоровье моей старшей дочери, выздоравливающей от пневмонии, внуках... Потом распрощались. Но перед глазами постоянно горел вспухший в небе над Атлантикой шар белого огня... Я сейчас не мог думать ни о чем, кроме этого. Привычное ощущение бессильной ярости не отпускало. Я вновь не сумел Ему помешать. А Он сделал старику Джералду подарок на день рождения. Напомнил о своем существовании. Спасибо.

И разговоры за праздничным столом, надо полагать, будут вестись только о сегодняшней катастрофе. Правда, кроме меня, никто не будет знать ее истинных причин. Кроме меня и Годфри. Пускай самый разумный из одиннадцати правнуков, единственный, унаследовавший мой неумный характер, узнает полную правду.

Сомневаюсь, что Годфри мне поверит, но зато выслушает не перебивая. А, вдобавок, подивится, какое жутковатое наследство оставил ему дед.

Ланч только через сорок минут. Следовательно, скоро нужно одеваться. Но сегодня я могу ненадолго забыть о распорядке.

Я опустил в кресло, и снова включил телевизор. Новости Би-Би-Си.

Как и десятки раз прежде, я начал наблюдать за Его следом. За новым появлением демона, три четверти века утоляющего свою жажду убийства...

* * *

Доживите до моего возраста, чтобы по-настоящему узнать, что такое прилив сил. Только лишь утром я чувствовал себя слабым, разбитым неисчислимыми болезнями стариком, на которого, вдобавок, обрушилось известие о новой проделке старинного бестелесного приятеля. А сейчас четверть одиннадцатого вечера, я стою у парадной лестницы и как ни в чем не бывало провожаю гостей, разъезжающихся после праздничного ужина. От дверей дома потягивает прохладным сквозняком, грудь дышит, как прежде, полно, наполняя голову свежестью, даже боль в суставах ушла, ничуть не беспокоя. Мысли мои ясны и сердце бьется с прежней живостью. Только что раскланявшаяся со мной графиня Лоус даже порадовала меня комплиментом: «Вы, мол, уважаемый сэр Джералд, выглядите не старше, чем на шестьдесят». Казалось бы, мелочь, а приятно.

А вот адмирал Честер подарил (втайне от моих внуков и секретаря) восхитительный индийский кальян из литого серебра и тонкого хрусталя. Старый морской дьявол знает, что я поныне не бросил курить, хотя доктора из Паддингтонского госпиталя категорически запрещают мне даже смотреть на табак.

Как я и ожидал, доставили пакет из Букингемского дворца. Ее Величество Елизавета II Виндзор будто сговорилась со своим очаровательным премьером и пожелала «многих лет жизни на пользу британского народа и монархии». От имени государыни гвардейский офицер вручил мне подарок – шкатулку для бумаг с монаршим вензелем.

– Милорд, – осмелился напомнить о себе Тони. – Здесь прохладно...

В переводе с языка Тони на человеческий язык это должно означать: «Вы, лорд Вулси, застудитесь, подхватите инфлюэнцу, а там и до воспаления легких недалеко. Следовательно, девяносто седьмого юбилея может не быть...»

– Оставь, – я поморщился, отстраняя руку секретаря. – Еще не все гости разошлись.

Тони тяжело вздохнул, будто морской котик на лежбище, и застыл за моим плечом. Скосив глаза, я увидел выражение его лица. Оно со всей прямоотой говорило – если вы, милорд, свалитесь прямо здесь, то не я буду в ответе. Однако сумею подхватить падающее тело... Вот дурачок. Словно не видит, что ко мне на краткое время вернулась если не молодость, то бодрость.

Причина этого вовсе не в подарках от Ее Величества, любезностях престарелых аристократов или ободряющих словах давних друзей. Признаться, я устал от общества себе подобных дряхлых развалин, вспоминавших за ужином о парадных туалетах давно почившего короля Георга или довоенные истории из колониальной жизни Индии. Возраст моих гостей, к сожалению, превышал все границы приличий – собрание живых древностей от семидесяти пяти до девяноста лет от роду. Даже любимой дочери – Дженнифер – шестьдесят девять... А я всегда любил молодежь и теперь с ужасом представляю, что спустя всего четыре года мне должно стукнуть целых СТО ЛЕТ! Если, правда, доживу.

Но как не огорчали меня морщинистые рты подруг, навсегда увековеченных в памяти розовощекими яркоглазыми девчонками, как ни удручали их ослепительно белые вставные зубы и неоднократно подтянутые хирургами морщины, сердце начинало радостно колотиться при взгляде на Годфри и Ойгена.

Двое совсем молодых людей неестественно выглядели в окружении увешанных бриллиантами в потемневшей платине сухопарых старух и располневших отставных военных. Боже мой, последние ведь тоже некогда были подтянутыми красавцами лейтенантами...

Годфри, мой старший правнук, как было заметно, чувствовал себя скованно и частенько бросал на меня обиженный взгляд. Он не понимал, зачем прадед пригласил его на этот скуч-

ный, но необходимый по этикету парадный ужин. А вот господин Ойген Реннер, к светло-русый волосам и серо-голубым глазам двадцатипятилетнего шалопая которого очень шел черный смокинг, ничуть не смущался, болтая с почтенными матронами и удивляя дам своей осведомленностью в модах тридцатых-сороковых годов. По выражению миссис Беркли, Ойген оказался «удивительно милым и образованным мальчиком для нынешнего времени». Старая напыщенная дура, знала бы ты, с кем именно разговаривала сегодня...

Ойген. Его внезапное появление и подняло мне настроение. Его широкая, добродушная, но в то же время чуточку печальная улыбка, едва заметные тени в уголках глаз и непонятная другим манера оглаживать левой рукой полу смокинга у бедра снова пробудили во мне давние воспоминания. И смешные, и страшные одновременно. Дворецкий, между прочим, не желал впускать никому не известного и не получавшего приглашения господина Реннера в дом, однако тот настоял, чтобы лорду Джералду передали визитную карточку. На обороте картонного квадратика стояла одна-единственная рукописная буква: «Эйч» – «Н». Вернее, даже не буква, а буквица – с завитками, несложным, но завораживающим старинным узорчиком и изображением маленькой головы дракона. Долго, небось, старался, вырисовывал. Чтобы лорд Вулси мог понять, кто навестил его скромный дом.

Ойген прошел в гостиную, как ни в чем не бывало раскланялся со мной и попросил представить гостям. Словно и не замечал моего взгляда, в котором смешались радость, испуг, какое-то сумасшедшее счастье и еще черт знает что... Тони отчего-то решил, будто мне стало дурно и незаметно подsunул в ладонь тюбик с сердечными таблетками. Честное слово, я однажды уволю этого бестолкового секретаря.

...Чинные беседы за аперитивом, беседы седовласых стариков и старух, смех графини Блэкбери, более напоминающий клетот издыхающего под солнцем аравийской пустыни беркута, позвякивание бокалов... Легкий топоток по паркету моего фокстерьера Кухулина, выискивающего подачки, шуршание салфеток и вкрадчивые голоса лакеев... И среди этого привычного шума повторялось снова и снова:

- О да, я слышала. Весь день говорили по радио...
- Мадам, я видел прямую передачу оттуда!
- Ах, баронесса, я, наверное, никогда не смогу забыть лица их родственников!..
- Сколько их было? Семеро? Какой ужас...
- Невероятная катастрофа...

Вот и Ойген. Он моментально нашел затершегося в уголок Годфри, пришедшего на ужин в парадной морской форме капитан-лейтенанта. Два единственных молодых лица. Не считая лакеев, подающих напитки, и неотступно следующего за мной Тони.

- Ты давно служишь на королевском флоте?
- Три с половиной года. На эсминце «Рочестер». Может быть, ты слышал?

Ойген кивает. Вновь какие-то слова об армии, торпедном вооружении, радарх и русских субмаринах в Северной Атлантике. Хоть кто-то не говорит о сегодняшней беде.

Как хорошо, что Годфри с Ойгеном так быстро нашли общий язык. Будет легче рассказать моему правнуку всю правду, если Ойген окажется рядом и подтвердит все слова старого Джералда. Он всегда приходил вовремя. Так было прежде и, надеюсь, окажется в будущем.

...Гостиная пустеет, снаружи доносится фыркание автомобильных моторов и мягко хлопают дверцы. Слышно, как полковник Фитц-Аллейн распекает своего водителя – Джордж всегда был невероятным задирой. Между прочим, в 1944 году именно его танк первым прорвался через немецкую оборонительную линию на границе с Голландией. Еще Фитц-Аллейн славен тем, что однажды запустил в хамоватого ресторанного гарсона (это случилось в 69-м, в Париже) бутылкой из-под Шатобриана. Но промахнулся и сосуд разбился о голову парагвайского военного атташе. Скандал едва удалось замять.

Ну, наконец-то! Как обычно, задержавшаяся за десертом толстуха Кэтрин, баронесса Вудчестер, вечно сопровождаемая престарелой компаньонкой, изрядно смахивающей на мокрую ворону, и двумя рыжими пекинесами, церемонно чмокнула меня в щечку, пригласила «поиграть в бридж на следующей неделе» и, переваливаясь, понесла свой живот в сторону гостеприимно раскрытой двери зеленого «роллс-ройса». Баронесса напоминала тяжелый испанский галеон, идущий в атаку на врага. Компаньонка путалась в поводках собачек. Мой фокс терпеть не может этих двух разжиревших плоскомордых ублюдков, до смешного напоминающих дородную сверх всякой меры хозяйку.

– Гости разошлись, милорд, – вкрадчиво отпартовал Тони. – Мне приказать готовить вашу постель?

– Тони, – я повернулся к осторожному секретарю и тот снова покраснел. Ни дать ни взять – викторианская девица, впервые оказавшаяся в одной спальне с мужчиной. – Вы распорядились о гостевых комнатах для сэра Годфри и мистера Реннера? Я просил это сделать еще до начала ужина...

– Разумеется, сэр, – наклонил голову Тони. – Джентльмены сейчас наверху.

– Отлично, – я несколько ослабил тугой воротничок и наощупь развязал галстук. – Теперь возьмите из бара бутылку «Арманьяка» и рюмки. Оставьте их в Ореховой гостиной. Непременно посмотрите, остались ли сигары в коробке на столике. И, пожалуйста, скажите на кухне, чтобы принесли фрукты. Затем попросите моего правнука и господина Реннера спуститься.

– Сэр, – Тони поднял на меня озабоченный взгляд темно-зеленых саксонских глаз. – Доктор Мак-Алпин...

– Да-да, – я повысил голос. – Мистер Мак-Алпин говорит, что мне следует отправляться на отдых не позднее одиннадцати вечера. Что мне нельзя пить ничего крепче красного вина и ни в коем случае нельзя курить сигары. Вы слышали, что я сказал, Тони? Пойдите и выполните мои просьбы.

«Старый упрямец», – сказали глаза секретаря.

«Я здесь хозяин, а не ты, мой милый», – ответил я всем своим видом.

– Я буду вынужден пожаловаться доктору и леди Дженнифер, – Тони уныло прибег к самой страшной угрозе. Дело в том, что дочь, живущая вместе со мной после смерти мужа, следит за здоровьем и распорядком дня папеньки с ретивостью, достойной иного, более разумного применения. Уверен, что если бы Джен оставила меня в покое и использовала свою энергию на благо, например, министерства обороны, то войну на Фолклендских островах мы выиграли бы не за месяц, а часа за полтора. Хорошо, что комнаты Джен в другом крыле дома.

– Если вы хотя бы единым словом обмолвитесь Дженнифер, то на следующий день вам, Тони, придется искать другую работу, – я использовал наиболее действенное средство. Когда Тони начинает страдать излишним рвением, его пыл можно остудить одним способом: пригрозить выгнать из дому. – Итак, коньяк и сигары... Пожалуй, немножко сладкого. Когда все будет исполнено, идите отдыхать.

– Слушаюсь, сэр, – пробурчал Тони сквозь зубы и, крутанувшись на каблуке, побрел в сторону кухни. Черт побери, как секретарь Тони незаменим, но... Мне неоднократно советовали взять помощника постарше, нежели этот недавний выпускник Оксфорда.

Из-за артрита я даже по дому вынужден ходить с тростью. Трость у меня тяжелая, из черного «железного» дерева. Сделана на заказ в мастерской мистера Ривса, что на Лондон-Бридж Роад. Дело в том, что моя собака с целеустремленностью упрямого бычка и безжалостностью термита уничтожает любой деревянный предмет, хотя бы отдаленно напоминающий палку для игры. Однако «железное» дерево и фокстерьеру не по зубам. После того, как мерзкая псина уничтожила две старых трости, я начал полагать, что фоксы происходят не из рода псовых, а грызунов. Но все равно я очень люблю эту породу. У терьеров, в отличие от пекинесов баронессы Вудчестер, есть одно располагающее качество – сообразительность. Сейчас я располо-

жился на диване в Ореховой гостиной, а Кухулин осторожно, чтобы не потревожить больные ноги хозяина, забрался мне на колени. Свернулся калачиком и задремал. Эдакая живая грелка.

Мне нравится Ореховая гостиная. Комната небольшая, с камином. Все – от обивки стен до светильников и подушек на креслах – выдержано в «ирландских» мягких коричневых тонах. Низкий столик, подсвечники и фотографии на каминной полке. Много фотографий. Одни поновее, в легких пластмассовых рамках, другие облачены в солидные деревянные оковы с толстым стеклом...

Кухулин поднял голову и предостерегающе заворчал. Это угрюмый Тони, вместо лакея, принес коньяк и блюдо с устрицами и лимоном. Сдержанно пожелал мне спокойной ночи. Уходя, столкнулся в дверях комнаты с Ойгеном Реннером, кивнул ему и прикрыл створку. Наверняка секретаря разбирает любопытство – отчего это хозяин вздумал уединиться с молодыми гостями? Что общего может быть у какого-то безвестного мистера Реннера с пожизненным членом палаты лордов и кавалером ордена Подвязки?

Полагаю, Тони упал бы в обморок, лишь краем уха расслышав, как с помянутым «лордом и кавалером» обращается развязная молодежь.

– Привет, Джерри! – Ойген подошел, потрепал меня по волосам и, усевшись в кресло напротив, закинул ногу на ногу. Смокинг и бабочку он снял наверху, оставшись в наполовину расстегнутой сорочке и черных брюках с лиловыми подтяжками. – Рад тебя снова увидеть. Увы, но за ужином особо не побеседуешь...

– Да уж, – вздохнул я. – Лихо ты заговорил зубы графине Блэкбери. Ты, теперь, оказывается, студент Сорбонны?

– Именно, – хохотнул Ойген.

Мне всегда нравилось, как он смеется. И вообще мистер Реннер чертовски привлекательный молодой человек. Даже сегодняшних старух умудрился очаровать. – Изучаю теологию под началом мэтра Франсуа де Бритона.

– А если серьезно? – я кашлянул и воззрился исподлобья на гостя. – Почему ты приехал?

– Сам знаешь, – Ойген внезапно нахмурился и потянулся к бутылке с коньяком. – Ты слышал, что произошло сегодня? Он тоже помнит о твоём дне рождения...

– Один к одному мои мысли, – я снова вздохнул. – Однако, думаю, это просто совпадение.

– Кто знает?... – протянул мой друг. – Коньяку? Да, а зачем ты пригласил своего правнука? Годфри извелся от скуки нынешним вечером.

– Я решил ему все рассказать. – Ойген передал мне рюмку с терпко пахнущим напитком и я сжал тонкий хрусталь непослушными пальцами. – Мне девяносто шесть лет. Я обязан оставить наследника...

– Как знаешь, – пожал плечами Ойген.

А вот и Годфри, легок на помине. В дверь осторожно постучали и на пороге гостиной появился мой правнук.

Он выглядит постарше своих двадцати шести лет – зачем-то отрастил усы, которые ему совсем не идут. Годфри, как утверждают все родственники, очень похож на меня в молодости. Столь же высокий – шесть футов, два дюйма – нос с едва приметной горбинкой, темно-каштановые волосы и зеленые глаза. Я действительно замечаю определенное сходство, но не столько во внешности, сколько в характере. Правнук умеет думать и действовать, как некогда и я сам. Одно отличие – в молодости я слишком часто вначале делал, а только потом думал.

– Ты звал меня, *grandy-grand*²? – правнук вопросительно уставился на меня, мельком покосившись в сторону Ойгена. – Я думал, ты уже давно отправился спать...

---

² Уменьшительно-ласкательное обращение к прадеду (англ).

– Звал, – подтвердил я. Кухулин соскочил с колен на пол и, неистово виляя коротким хвостиком, подбежал к ногам Годфри. У собаки симпатия к военным. Вероятно, из-за какого-то особенного запаха. – Ты уже познакомился с мистером Ойгеном Реннером?

– Да, конечно, – Годфри быстро оценил обстановку. Коньяк, сигары... Угли в камине багровеют. – Полагаю, будет разговор? Что стряслось, дед? Я не хотел оставаться ночевать, но раз уж ты попросил...

– Посмотри внимательно на мистера Реннера, – сказал я.

Правнук окинул гостя чуть недоуменным взглядом. Наверное, не находил в нем ничего экстраординарного. Обычный парень со светлыми волосами и смазливой физиономией. Боже, как хочется, чтоб так оно и было!

– Что произошло, дедушка? – повторил Годфри.

Ойген криво улыбался.

– Теперь подойди к камину, – приказал я, указывая рукой. – И отыщи на полке большую черно-белую фотографию в бронзовой раме. Принеси сюда, ближе к свету.

Мой озадаченный потомок взял старинный снимок, вернулся к дивану и присел рядом со мной. Кухулин тыкался носом в его брюки и довольно пофыркивал.

– Ну и что? – Годфри протянул мне фотографию. – Зачем тебе это, дедушка? Объясни.

– Рассмотрим внимательно, – тихим голосом посоветовал я. – Видишь дату?

– Десятое апреля 1912 года, – прочитал Годфри, – Шербур, Франция.

На черно-белом, потемневшем от времени снимке были изображены трое молодых людей и девушка, лицо которой скрывала вуаль шляпки. Все они стояли на фоне морского залива, а, вероятнее, гавани – на заднем плане виднелся размытый силуэт длинного черного парохода с четырьмя высокими трубами.

– Мы стоим на причале гавани Шербура, – пояснил я, стукнув о столешницу опустевшей рюмкой. – За нашими спинами – силуэт «Титаника». Снимок сделан за полчаса до отплытия. Я – крайний справа. Вглядишься, кто находится рядом со мной, в светлом пиджаке?

Годфри метнул взгляд на Ойгена, потом уставился на фотографию. Снова глянул на гостя и снова на фотографию... Открыл рот, словно желая что-то сказать. Зачем-то поцарапал ногтем по стеклу рамки. Машинально погладил крутившегося у ног неугомонного Кухулина.

– Дед, это что, розыгрыш? – наконец произнес он. – Это же кадр семидесятилетней давности! Мистер Реннер наверняка внук или правнук господина, изображенного здесь? Да, готов поклясться на Библии – они исключительно похожи...

– Переверни и прочти надпись на обороте, – сказал Ойген. – Вслух, пожалуйста.

– «Апрель тысяча девятьсот двенадцатого... – послушно продекламировал Годфри. – Джералд Слоу, Тимоти О'Донован, Робер Монброн, Ева Чорваш и... Ойген Реннер?..»

– Именно. Это я. Верь или не верь, но против фактов идти неразумно, – желчно ответил Ойген на немой вопрос ошеломленного Годфри. – Твой прадед тогда ввязался в незавершенную поныне историю. Возможно, заканчивать ее придется нам с тобой.

– Но дедушка... – Годфри всем корпусом развернулся в мою сторону. – Я прекрасно знаю, что ты каким-то образом связан со странной историей этого корабля... Однако ты ни разу не упоминал ни о каком господине Реннере или других джентльменах, изображенных на этой фотографии... Насколько я помню, ты ехал в Америку путешествовать? Можешь быть, объяснишь, что происходит, и зачем вы с Ойгеном меня пригласили?

– Его, – я указал на гостя, – зовут совсем по-другому... Скажи, а что ты думаешь об утренней катастрофе в Америке?

Годфри немного озадачила столь резкая перемена темы разговора. При чем здесь «Челленджер»? Да, погибли семь астронавтов. Весь мир в шоке, по телевизору только и говорят об этой крупнейшей аварии за всю историю полетов в космос... Но как увязать причуды впадающего в маразм старика и события на мысе Канаверал?

Правнук решил быть твердым и сделал вид, что не расслышал мой вопрос.

– Я хочу рассказать тебе настоящую историю о моем путешествии в Америку на этом корабле, – сказал я, постучав пальцем по фотографии. – Не ту, которую ты слышал в детстве, а *настоящую*. Если ты полагаешь, что меня поразило старческое безумие и я начал выдумывать какие-то невероятные байки, можешь отправляться спать в свою комнату... А можешь остаться. Но тогда, боюсь, тебе придется верить всему, что будем говорить мы с мистером Реннером.

– Дед, зачем ты так? – обиделся Годфри. – Я отлично знаю, что ты посейчас в здравом уме! Хорошо, я выслушаю тебя.

Кухулин запрыгнул Годфри на колени и лизнул в лицо.

– Замечательно, – прокричал я и взглядом указал Ойгену на бутылку с «Арманьяком». Тот немедленно налил всем троим. – Вначале позволь заново представить моего старинного друга. Его настоящее имя тебе должно быть известно. Хаген, сын Гуннара, из Тронье.

...Щелкнул уголек в камине и на мгновение вспыхнула белая искорка, отразившись в глянцевой золоченой этикетке на бутылке мутного стекла. В Ореховой гостиной плавали полосы голубого сигарного дыма, пахло лимоном и деревом... Но, клянусь Господом, я без малейших колебаний отдал бы весь уют старого дома под Фарнборо, каждое оставшееся мгновение жизни и спокойствия за то, чтобы вернуться в тот дождливый день, когда острие лопаты Робера Монбронна царапнуло по черному, изъеденному временем металлу. Но стрелки часов не повернуть в обратном направлении. Нельзя исправить ошибки. Возможно лишь смягчить их последствия...

Память все стремительнее уносила меня в водоворот бесчисленных лет, засасывавший с неумолимой силой и головокружительной быстротой.

Да, действительно, март 1912 года был солнечным и теплым. Ливень хлынул только двадцать шестого числа, ближе к вечеру...

Часть первая ЗОЛОТО СЕДОГО РЕЙНА

– ...wen bist du denn?
– Ein Teil von jener Kraft, die stets das Böse will und stets das Gute schafft.

Гёте. Фауст. Часть первая

*Атли, ты радости
так не увидишь,
как не увидишь
ты наших сокровищ!
Я лишь один,
если Хёгни убит,
знаю, где скрыто
сокровище Нифлугов!*
Эдда. Песнь об Атли. 26

Глава первая МЫ ЕГО НАШЛИ!

Германская империя, побережье Рейна

Ночь и утро 27 марта 1912 года

Мсье Робер де Монброн сидел в луже.

Нет, вовсе не потому, что поскользнулся и упал, или был завален в размякшую от воды густую синеватую глину во время банальной уличной драки на окраине заштатного германского городка. Монброн, как это ни странно прозвучит, наслаждался, шлепая ладонями по коленям и подставляя лицо низвергавшемуся с мутно-серых небес холодному дождю. Его совсем не беспокоило то, что красивый и очень дорогой костюм из валлийской шерсти, купленный Роберу дражайшей матушкой, мадам Жюстин, за бешеные деньги в Париже на Рю де ля Пэ, придет после импровизированной грязевой ванны в полнейшую негодность. Он не боялся простудиться и подхватить ангину. И ему не казалось нелепым столь вызывающее для приличного молодого человека поведение. Монброн был готов купаться в жидкой грязи до самого заката.

– Наконец-то! – беспрестанно повторял он то на родном языке, то по-английски. – Мэтр Шлиман удавился бы от зависти! Mont Deux, наконец-то!.. Джерри, Тим, где вы копаетесь, бестолочи?! Сюда!

Монброн зачем-то набрал полные пригоршни мягкой холодной глины, отдаленно напоминавшей прокисшее бланманже, и вымазал себе лицо. Только глаза да зубы сверкали.

– Сюда-а!! – с новой силой воззвал Монброн. Конечно, можно было подняться и сбегать к палатке. Но очень не хотелось уходить. Робер боялся, что забудет место. Оставалось только орать, надрывая голосовые связки. – Джера-альд! Мистер Роу!

Звук радостного голоса молодого француза метался среди вершин столетних елей, ударял в изрытую пенистыми волнами и дождевыми пузырьками воду Рейна, и наконец достиг слуха людей, которым предназначался. Господа изыскатели соизволили высунуть носы из просторного брезентового шатра и поинтересоваться, кто же вопит неподалеку?

Однако покинуть теплое жилище и выйти под дождь решил только невысокий англичанин средних лет с квадратным меланхоличным лицом. Этот человек – Уолтер Роу – никак не напоминал ученого-археолога. Уж скорее мастеровой или конторщик, обремененный чахоточной супругой да громкоговоримым выводком чумазных ребятишек. Подобное впечатление у каждого, заведя мистера Роу, весьма усугубляли его мозолистые ладони с короткими, заросшими темным волосом пальцами. Впрочем, настолько сильные руки могут равно принадлежать и гробовщику, и великому пианисту...

Мистер Роу, беззвучно сквернословя под нос, набросил капюшон черного прорезиненного плаща (такой обычно носят английские полисмены), закрывая от усиливающегося ливня голову с седеющими волосами и, грузно перепрыгивая через лужи, направился к деревянным доскам, протянутым через глинистое побережье реки. Мостки и вывели его к источнику неблагозвучия. По пути Роу споткнулся о сбитую ветром толстую ветку, едва не упал и уж было открыл рот, дабы высказать полоумному лягушатнику свои мысли о его глупой выходке. Но...

Уолтера Роу поразили не сюрреалистический облик вымазанного глиной до ушей мсье Монброна, ни его безвозвратно погибший сюртук и не то, что француз, повизгивая от восторга, плескался в липкой кисельной грязи. Минуту назад археолог собирался устроить Монбронку примерную выволочку, а заодно искупать в Рейне – нельзя же пустить его в палатку в таком виде! – а сейчас спрыгнул с досок и опустился на колени в ту же самую глубокую лужу. Вода немедленно затекла в сапоги и насквозь вымочила коричневые суконные бриджи. Однако мистер Роу наплевал на столь незначачие мелочи.

Похожие на волосатые сардельки пальцы оксфордского ученого мужа сами собой потянулись к висевшей на шее Монброна темной, залепленной грязью вещице, напоминавшей ожерелье. Коснулись. Ноготь соскреб бурый налет и словно тоненький желтый лучик уселся на тяжелое кольцо.

– Золото, – прошептал Роу. – Боже мой... Ты... Маленький негодяй, где ты это нашел?

Англосак сгреб правой рукой Монброна за воротник и прерывисто задышал ему в лицо. Тот неуклюже отстранился, сделал обиженный вид, но все-таки не выдержал и рассмеялся.

– Здесь! Я сижу на целой горе такого добра!

Монброн сунул ладонь в глину, покопался в отвратительно чавкающей холодной массе и наконец извлек какой-то тяжелый кругляш. Был обозван ослом. Находку пришлось немедленно отдать бледнеющему на глазах археологу.

– Клянусь крестом Господним! – взвыл англичанин после того, как, поплевав на вещицу, оттер ее о рукав плаща. – Солид Феодосия Второго! Эпоха Аттилы! Сдохнуть можно!

– Это необязательно, – зафыркал Монброн и поплескал ладонью по глине. – Прямо под моим сидением лежит огромная груда таких монеток!

– Как ты это нашел? – стонал Роу, размазывая грязной ладонью по лицу дождевые капли. – Мы полный день копались возле самого склона холма! Это же в двухстах ярдах!

От волнения французский акцент молодого человека усилился, и он с трудом подыскивал нужные слова, торопясь рассказать:

– Мы полгода ходили прямо по нему! – выкрикивал Монброн. – Как сразу не догадались? Вы сами, мистер Роу, говорили – в этой части низины когда-то проходило русло Рейна! Потом с возвышенностей сошел оползень, закрыв дно возле левого берега! Помните? В «Песне» чер-

ным по белому написано: Хаген бросил клад в Рейн, а не спрятал у воды, в пещерах! Мы знали место, где бургунды переправились на восточный берег, приблизительно знали их путь, однако никто не подумал, что природа сама позаботится о кладе!

– Хватит, – оборвал восторженные вопли Роу. – Как нашел, спрашиваю?

– Возвращался в палатку. Дождь начался... – француз покосился в сторону прибрежного уступа, вздымавшегося почти отвесно на высоту тридцати футов. – Лопату нес не на плече, а волочил за собой...

– Убивать надо за такое обращение с инструментами! – проворчал археолог, продолжая, однако, внимательно слушать. – Ну и дальше?

– Лезвие царапнуло по металлу. То есть я потом уяснил, что это металл! – захлебываясь, повествовал Монброн. – Вначале решил – обычный камень. А вы рассказывали, будто в такой глине камней не встречается. Вернулся, пошуровал лопатой, вывернул эту шейную гривну, – он погладил кольцо, громоздившееся на груди. – Манжету запачкал, когда доставал...

Роу мелко затрясся от смеха. Денди, понимаете ли, манжету запачкал! И, надо полагать, счел, что теперь можно поваляться в грязи, уподобляясь нильскому зверю гиппопотаму! Впрочем, какая разница? Если это не просто случайные разрозненные изделия, оброненные столетия назад с проплывавшего по Рейну корабля, а... Да чего сейчас говорить! К утру дождь наверняка закончится, можно будет взять насос, откачать воду из углубления и покопаться более тщательно.

Роу стянул плащ, расстелил его на деревянных мостках, ведущих от лагеря к основному месту раскопок, и, призвав на помощь словно не замечавшего холода и дождя молодого галла, начал выбирать из лужи первые попавшиеся под руку предметы. Видимо, они были навалены бессистемной кучей и, таким образом, серьезный урон кладу нанести было невозможно, даже столь варварскими действиями. Мистера Роу снедало нетерпение и он мысленно простил себе вопиющее нарушение законов археологии.

Когда на плаще воздвиглась неопрятная, истекающая мутной жижей кучка различных предметов, от монет и фибул до невзрачных камешков и отлично сохранившегося воинского шлема, отдаленно напоминавшего римские образцы, мостки заскрипели под тяжелыми сапогами.

– Что вы здесь творите? – голос низковатый, звучный и заинтересованный. Ага, явился бессменный хозяин предприятия – молодой лорд Вулси. – Робер, Уолтер, вы к ужину желаете порадовать нас пирожками из грязи? Не думал, что рейнская глина столь же целебна, как мариенбадская...

– Джерри, – пискнул Монброн, раскашливаясь. – Мы его нашли! Вернее, я его нашел!

Высокий, темноволосый с рыжиной, англичанин запнулся и, склонившись над простертым у ног изгаженным одеянием мистера Роу, присвистнул.

– Черт возьми, а?... – выдохнул он, озирая невзрачные богатства. – Невозможно... Это все, что вы обнаружили?

– Какое там! – подал голос археолог, едва не по пояс погружаясь в грязь и шаря руками в самой гуще. – Работы будет на несколько дней! Джерри, прикажи завтра отослать рабочих. Лишние глаза совершенно ни к чему... Все, пока хватит, – Роу перебросил на плащ еще десяток монет, и, сжимая зубы от холода, вылез на мостки. – Идемте к берегу реки, промоем. Джералд, позови остальных! Робер, берись за край плаща! Осторожнее, тупица! Уронишь хотя бы одну вещьцу – надаю по шее!

...Крупные дождевые капли стегали по тугому брезенту шатра, складной походный столик окружали все обнаружившиеся в лагере керосиновые лампы и пятеро вымокших до нитки людей безмолвно созерцали перед ними предметы. Золото, несколько серебряных украшений, не ограненные цветные камни и выложенный золотыми пластинками помятый шлем с науш-

никами и фигурной стрелкой понося. Только мистер Роу, нарушая благоговейную тишину, бормотал под нос, притрагиваясь то к монеткам, то к вычурным застегкам для плащей:

– Конечно, солиды... Юстиниан... А это – типичный вендельский стиль... Господа, кто знает, вдруг этот шлем некогда принадлежал самому Зигфриду?

– Мы его нашли, – неожиданно громко, ни к кому не обращаясь, сказал лорд Вулси и зачем-то полез в карман жилета за часами. Вынул, подержал в руке, не открывая крышку циферблата, и сразу отправил хронометр обратно на место. – Джентльмены, это невероятно, но мы действительно нашли клад Нибелунгов... По сравнению с нами Шлиман с его Троей или Габриель Густавссон с кораблем из Осеберга – жалкие профаны! Тимоти, посмотри, где запрятано бренди. Предлагаю сегодня напиться! Робер, поедешь утром в деревню, отправишь телеграмму в аббатство...

Звякнула свалившаяся со стола монетка. Джералд, резко нагнувшись, подобрал тускло-желтый кругляшок и уставился на него так, будто впервые в жизни видел подобный раритет. Лупоглазое изображение кесаря Юстиниана окружали греческие полустертые буквы, а сам император смотрел на представший его очам незнакомый мир не то с растерянностью, не то с восхищением.

Лорд Вулси, отобрав бутылку бренди у рыжего компаньона, обладавшего типично ирландской внешностью и располагающей белозубой улыбкой, небрежно швырнул монету в зеленую жестяную кружку и наполнил ее до краев. Зеленое горлышко бутылки чуточку постукивало по крупновскому металлу.

– Круговую? – Джералд обвел всех собравшихся многозначительным и торжествующим взглядом. – Что ж, я пью за всех нас, господа!

* * *

Разумеется, это была авантюра. Причем авантюра, если так можно выразиться, высшей пробы. Никто и никогда не решился бы на подобное предприятие лишь потому, что оно априори было абсурдным. Но с другой стороны...

Археология до начала XX века не являлась точной наукой со своими правилами, законами и незыблемыми установлениями. Копали многие, копали почти везде – от Стоунхенджа в Англии до развалин Читсен-Итца в Мексике, от Дании до Египта и Персидского шахства. Иногда что-то находили. Без сомнения, большинство «диких» археологов были примитивными искателями богатства. Стоит вспомнить одного лишь Генри Раулинсона, сотрудника британской разведки «Интеллиженс-Сервис», прикрывавшего свою шпионскую деятельность в азиатских странах видимостью научных изысканий и археологических поисков.

Обычный агент политического сыска, мистер Раулинсон, стал первым археологом-любителем, прославившимся на весь мир. Он нашел Ниневию, расшифровал ассиро-вавилонскую клинопись, сохранил для Азиатского Королевского Общества Британии множество глиняных табличек... А попутно, выполняя обязанности военного инструктора на жалованьи правительства Персии, организовал против него же заговор, и втихомолку перессорил персов с афганцами. Последствием чего стала многолетняя война... Незаурядная карьера. Шпион-археолог. Интересно, какое занятие ему нравилось больше?

Нет смысла упоминать столь известных людей, как неаполитанца Пьетро делла Валле, открывшего развалины Персеполя; Уильяма Петри, положившего начало исследованиям египетских пирамид, его последователя Шампольона и, наконец, всемирную знаменитость – мэтра Генриха Шлимана.

Теперь, в 1912 году, когда археология превратилась в одну из самых достойных и признанных ветвей исторической науки, Шлимана можно было бы упрекнуть во многом. Скептики говорят: «Этот сын пастора из Мекленбурга, конечно, нашел какое-то маленькое греческое поселение, погибшее от пожара, но разве можно со всей уверенностью утверждать, будто это именно Троя?» Археологи обвиняют: «Бездарь Шлиман искал только золото! Он не обратил внимания и просто выбросил на помойку ценнейшие предметы прикладного искусства, осколки керамики, посуды, обломки орудий труда! Это был бизнесмен и шарлатан, а не ученый!»

Правы все – и прокуроры, и адвокаты. Стоит упомянуть, что мэтр поступил не слишком честно, фактически украв сокровища Трои – он получил разрешение от турецких властей на проведение раскопок в Гиссарлыке лишь в обмен на обязательство отдать правительству Турции все найденное.

14 июня 1873 года юношеская мечта любителя Гомера и удачливого торговца красками Генриха Шлимана осуществилась. Старик Генрих нашел Трою. Вернее, клад троянского царя Приама – несколько килограммов золота, воплощенных в украшениях, ожерельях, кольцах, драгоценной посуде...

Мэтр позже клялся, что его явно противозаконная акция – Шлиман ночью, тайком, вывез все сокровища в Грецию на лодке – была обусловлена опасением, что султан Турции наплюет на историческую ценность найденных предметов и прикажет их переплавить. Вполне естественно, что Шлиман был объявлен в Турции преступником и контрабандистом, возвращение в Гиссарлык теперь было невозможно, но...

Он нашел новое применение своей неумной энергии. В Греции Шлиман обнаружил могилу царя Агамемнона, буквально набитую сокровищами, а в Тиринфе – дворец Одиссея. А умер он от менингита в Неаполе. Лишь потому, что всегда одевался бедно, и потерявшего сознание на улице человека не опознали и не отвезли вовремя в больницу. Только в госпитале для бедных выяснилось, что в бумажнике старика, изрядно смахивавшего на неаполитанского нищего, находилось целое состояние, на которое можно было бы нанять лучших докторов.

Великая судьба, великие открытия и такая нелепая смерть.

Впрочем, Шлиман прославил себя не только раскопками в Трое и фотографией любимой жены в золотом уборе царицы Елены. Он впервые в истории археологии основал свои изыскания не на исторических сведениях, а лишь на литературных. Он увязал события Гомеровской «Илиады» с реальной местностью, преданиями и легендами населения Гиссарлыка и географическими данными.

«У Гомера сказано, – рассуждал Шлиман, – что поблизости от города Приама находились два источника воды – один теплый, другой холодный. Будем их искать. Кроме того, турецкое название „Гиссарлык“ в переводе означает „дворец“. Откуда может появиться дворец в эдакой дыре? Рядом нет ни одного крупного города!»

И настырный немец начал искать. И нашел. И прославился.

По его стопам пытались идти многие. Но, к сожалению, последователям не хватало шлимановской настойчивости, его ума, убежденности в своей правоте и правоте литературного первоисточника. Кроме того, прошлое оставило не столь уж и много литературных памятников, в которых с точностью описывается местонахождение какого-либо клада или древнего прославленного города. Археологи, любители и профессионалы, конечно же, могли изучить «Беовульфу» и приняться разыскивать «Золотой дворец» – Хеорот; основываясь на «Песне о Роланде», поискать в районе перевала Ронсеваль бесследно сгинувшие сокровища Кордовского халифата, захваченные армией императора Карла Великого, подумать о том, куда мог исчезнуть из осажденного Монсегиора Святой Грааль в 1244 году... Да мало ли на свете знаменитых кладов – начиная от легендарных богатств Камелота и заканчивая драгоценностями инков и ацтеков!..

Джералд Слоу, двенадцатый лорд Вулси, оксфордский выпускник и изысканный британский денди, никогда не предполагал, что станет кладоискателем. Его ждали карьера в Форейн-офисе, огромное наследство и скорый брак с младшей дочерью герцога Йоркского. Провидение, однако, сыграло с лордом Вулси нехорошую шутку.

С чего же все началось?..

* * *

Вообще-то начало сей истории было положено третьего сентября 1890 года, когда на втором этаже дома 12 по Парк-Лейн в Лондоне леди Марджори Вулси произвела на свет крупного, ясноглазого и истошно пищущего младенца. Ребенок был окрещен в Вестминстерском аббатстве спустя неделю и получил имя Джералд в честь одного из знаменитых предков – кажется, прапрадеда по отцовской линии, командовавшего одним из британских кораблей в битве с «Непобедимой Армадой» короля Испании Филиппа. Этот факт, правда, не способствовал поддержанию честного имени семьи, так как всем известно, кто командовал английским флотом и каковы были пристрастия большинства британских мореходов того времени.

Нет, безусловно, сэр Френсис Дрейк – удачливый придворный, любовник самой изумительной британской королевы Елизаветы I Великой и еще более счастливый пират – был джентльменом и отличным военным. Как и его соратники. Впоследствии взрослеющий Джерри поглядывал на портрет прапрадедушки кисти Хиллиарда, висящий в комнате отца, с некоторой боязнью. Далекий предок (если только его переодеть из придворного костюма в кожаные штаны и жилет, на голову повязать красный платок и дать в руку абордажный палаш) смотрелся вылитым корсаром с огненно-наглым взглядом, квадратной англосаксонской челюстью и руками мясника.

Следует заметить, что предка юного Джералда убили на дуэли. Семейная легенда гласила: предок пал от руки самого Френсиса Дрейка, отстаивавшего у лорда Вулси свое право на любезность британской монархини...

Какие были люди, а?!

Наследник славных традиций семьи и единственный сын сэра Артура Слоу, одиннадцатого лорда Вулси, был беспокойным ребенком. Его не смогли исправить ни французский гувернер, ни компаньонки матушки Марджори – изредка игравшие роль воспитательниц старые клуши, от которых воняло дорогой пудрой, благовониями и потом в равных пропорциях, ни даже закрытая школа для мальчиков в Винчестере с исключительно строгим уставом и преподавателями-пуританами. Каштанововолосый юный негодяй бил стекла, учась играть в регби, запускал пойманных в подвале школы крыс в комнату преподавателя химии (объясняя затем сей эксцесс разгневанному директору учебного заведения любовью к естествознанию), а однажды, уподобившись герою новомодного американского романа мистера Марка Твена, подсыпал порошу в трубку отца Вильгельма, обучавшего детишек из благородных семей Закону Божьему.

Впрочем, святой отец был сам виноват. Курение никотианы (или, попросту, табачной травы), что ни говори – грех.

Невозможно описать, с каким трудом бедолаги-преподаватели терпели выходки отпрыска одной из благороднейших семей Британии. Стоит упомянуть, что Джерри безобразничал отнюдь не в одиночестве, а сколотил целую банду (так называл его компания господин директор). В банду входили: разумеется, сам лорд Вулси-младший, Тимоти О'Донован – рыжеволосый сынок американского нефтяного магната из Техаса, отправленный в Англию, «получить приличное образование», и тихий с виду, чуть полноватый наследник банкирского дома

«Монброн Ле Пари» Робер Монброн, каковой по желанию своей любезной матушки также должен был закончить столь престижную (и столь дорогую!) школу.

Нет смысла описывать здесь пять лет затяжной войны между интернациональной англо-американо-французской бандой и почтеннейшими учителями колледжа. Можно лишь сказать, что в один прекрасный день все три молодых человека, уже несколько остепенившихся (шестнадцать лет – это не шутка! серьезный возраст...), покинули стены школы, учинив на прощание скандальную шутку – во время благодарственной мессы в церкви на священника (того самого многострадального отца Вильгельма) свалилась привязанная под потолком кукла черта, набитая соломой, вымазанная сажей и с рогами, сделанными из двух морковок.

К счастью, хулиганов уже было невозможно исключить, выгнав с позором из стен старинного и прославленного учебного заведения. Молодые джентльмены с сознанием выполненного долга отправились по домам.

Тимоти уезжал в Америку к родителям и ненаглядному Техасу 7 сентября 1907 года. Естественно, что Монброн и Джералд Слоу провожали его в Ливерпульском порту. Отец Тима был до неприличия богат, поэтому бывший ученик самого знаменитого университета Британской империи возвращался домой на лучшем корабле – «Лузитании», отправлявшемся в свое первое плавание через океан.

Трое юнцов, желая отметить столь серьезное событие, решили поискать экзотики и отправились в обыкновенный дешевый припортовый паб. Что там произошло – никому из посторонних в точности известно не было. Можно лишь предполагать, что молодые люди употребили чересчур много дурного пива, подрались с матросами-ирландцами, а господин Монброн потерял чековую книжку и бумажник. Хотя, вероятнее всего, таковые были незаметно изъяты из роберовского кармана ловким воришкой.

Так или иначе, Тимоти О’Донован взошел по трапу шикарной «Лузитании» на верхнюю палубу первого класса с изрядным синяком на скуле, заплывшим левым глазом и разорванным сюртуком. И тогда же, изрядно пьяный, но неплохо соображающий лорд Вулси-младший выкрикнул историческую фразу, которую все трое запомнили навсегда:

– Тим! Эй, Тимми! – последний уже стоял, опершись на перила, ограждавшие палубу парохода. Все оттенки цветов, которыми пылала его поврежденная глазница, могла передать только кисть Рембрандта. – Не бойся, ты уезжаешь не навсегда! У нас еще будет возможность сделать то, что мы хотим сделать! Мы это сделаем!

Маленькая тайна их товарищества, скрываемая даже от ближайших приятелей по колледжу, заключалась в идее фикс, родившейся в воспаленных развитым воображением молодых умах после нескольких уроков литературы, посвященных древнегерманским поэмам. Ни Тим, ни Робер, ни сам Джералд не помнили, кто первым произнес волшебную фразу: «Ребята, а куда все-таки подевался клад Нибелунгов? Вот было бы здорово его найти!»

* * *

– Рабочих сегодня же рассчитать, – командовал лорд Вулси, когда торжественная часть импровизированного банкета над древним золотом завершилась. – Монброн, с мастерами поговоришь ты. Ничего никому не рассказывать – слухи распространятся мгновенно. Придумай какую-нибудь незамысловатую ложь: например, господа сворачивают работы из-за полнейшей бессмысленности. Словом, не мне тебя учить. Сокровищ много, гораздо больше, чем мы предполагали, поэтому мистера О’Донована я отсылаю в деревню. Наймешь два крытых фургона, для вещей и добычи. Понятно?

– Понятно, – кивнул вечно деловитый Тимоти. – Вывозим только дорогие инструменты. Палатки и все такое. Кирки с лопатами похороним в Рейне, а в ящики...

– Мсье, – жалобно подал голос Монброн из своего уголка. – Мы поступаем бесчестно. Изыскания производились на территории Германской империи, мы обязаны заявить властям. Это... Это же уголовное преступление!

Молодой американец посмотрел на концессионера сострадальчески.

– Робер, милый, клад нашли МЫ. Ну хорошо, ты приходишь в полицию, вываливаешь на стол пригоршню древнего золота, а потом? Во всех газетах аршинные заголовки: «Великое сокровище Германии найдено! Клад тевтонских предков обретен!». Про нас забудут через день, а затем втихомолку вышвырнут из страны. Нашли – спасибо, но сокровище извольте оставить Второму Великогерманскому рейху и кайзеру Вильгельму Гогенцоллерну, как подтверждение славного тевтонского прошлого и столь же великого настоящего, возрожденного канцлером Бисмарком...

* * *

(Поскольку до введения наистрожайших законов рейха Третьего вкупе с такими немислимыми для начала XX века ужасами, как SS и гестапо, оставалось еще двадцать с лишним лет, а никому неизвестный герр Адольф Гитлер, провинциальный романтик и мрачный фантазер, ныне являлся всего лишь нищим венским художником, в Германии можно было даже слегка пошалить – это вам не насквозь коррумпированная демократическая страна, наподобие Франции и САСШ, и не строгая монархия, как Российская империя, Япония или Австро-Венгрия, где за темные делишки тебя миглом прищучат и отправят куда следует... Да, пошалить можно. Но только с осторожностями.)

* * *

– Будем действовать по старому плану. И никаких возражений! – непреклонно заявил Тимоти.

Он картинно поиграл швейцарским ножиком, бросив блик от начищенной стали на глаза поморщившегося Монброна. Француз лишь тяжело вздохнул.

– Действовать по плану... – проворчал мистер Роу, повторяясь, – перед нами три границы. Ехать через Голландию или Бельгию опасно – северные страны прямо-таки наводнены тайной полицией кайзера, ведутся военные приготовления. Так что копаем еще две-три ночи, выудим все, что сможем, и собираемся как можно быстрее. Когда мы будем плыть посреди Атлантики, нам уже никто не прижмет хвост. С американцами же... О черт! В чем дело?! Тим, Робер, быстро наружу!

Вопль, крик, стенание и хрипы существа будто бы терземого в самом глубоком круге Дантова ада самыми злобными демонами, прорвались через тугой брезент шатра. Того, кто кричал, неизвестные злодеи, как минимум, резали на кусочки тупыми и зазубренными ножами, причем делали это медленно, с расстановочкой и смакованием, в лучших традициях маркиза де Сада.

Заслышав столь чудовищные звуки, любой нормальный человек прежде всего схватится за пистолет или нож, поплотнее встанет плечом к плечу с другом, а уж только потом отправится выяснять, что все-таки происходит в дождливой глубине рейнской ночи.

– Робер, быстро фонарь! – привычный к ситуациям неординарным, мистер Роу мигом принял на себя командование. – Да не проливай керосин, кретин, спалишь нас к чертовой матери! Тим, хватай винчестер! Джерри, у тебя револьвер? Отлично! Вперед! Ох, не было печали...

Орали все сильнее и надрывнее, с привизгом. Будто человека пожирали заживо. И где-то совсем рядом.

Темно. Дождь хлещет, словно многохвостой плеткой по лицу. В тусклом свете двух ламп – карбидной и керосиновой – высвечиваются мостки, ведущие к берегу, к заветной яме.

Тим (американец, что с него возьмешь!) рванул первым, потом остальные. В стоящих неподалеку палатках рабочих начали мелькать огоньки. Тоже услышали. Скверно. Сейчас надо вести себя чем тише, тем лучше. Ноблесс оближ, как выражается мсье Робер. А ноблесс у компании изыскателей с этого вечера стал юридически неустойчив. Незачем нам непредвиденные трудности. И не надо говорить всякие пошлости наподобие, что к звездам пробираются через тернии.

– Вот он! – вскричал Монброн и, расталкивая компаньонов прыгнул к скользкому краю ямы. – Веревку! Тим, дубина, веревку! Или плащ! Да помогите же ему!

Человек, по самый подбородок погрузившийся в жидкую грязь, уже не кричал, а стонал. Из-за налипшей на лицо глины и почти кромешной темноты опознать его было невозможно. Незнакомец явно наполовину захлебнулся, тело сотрясало в постоянной судороге, и если бы помощь не подошла вовремя, он бы наверняка утонул.

Совместными усилиями переругивающихся и откровенно злящихся на весь подлунный (а, точнее, подоблачный) мир сотоварищей, тело было извлечено на деревянные доски, ныне ставшие похожими на глинистый каток.

– К Рейну, – скомандовал лорд Вулси, – хотя бы отмоем. Не тащить же к нам в палатку эдакого расплывшегося Голема?

Точно, внешне спасенный сейчас напоминал шоколадного солдата, поставленного возле доменной печи.

Тим, как техасец, а значит, человек к жизненным трудностям вполне приспособленный (и деятельный до невероятия), первым подтащил бессознательного субъекта к набегавшим на галечник холодным рейнским волнам, приказал Монброну стащить с того ботинки, срезал швейцарским охотничьим кинжалом одежду, яростно матерясь на диалекте южных штатов обмыл разорванной рубахой, а затем попросту взвалил на плечо и поволок вверх, к шатру.

Мистеру Роу тотчас выпало объясняться с прибежавшим на шум мастером, руководившим рабочими. Ничего, мол, страшного, майн герр, парень напился, едва не утонул, с кем не бывает. Отдыхайте. Вот вам серебряная марка за беспокойство.

– А я его знаю, – немедля открыл рот Робер, едва пострадавшего разместили на складной койке, какие используют офицеры в колониальных войсках. Зажгли все имеющиеся в наличии фонари. Монброн, приподняв брови, разглядывал крепкого, жилистого парня лет восемнадцати. Такое сложение встречается у выходцев из не самых богатых крестьянских семей, где тяжелой физической работы много, а вот с кормежкой частенько бывает туго. Волосы германски-светлые, скулы острые, широкий подбородок, черты правильные. В общем, приодеть да отмыть – будет первый парень на деревне, гроза доверчивых простушек и сеновалов. – Его фамилия Реннер. Я сам нанимал его в Вормсе подсобным рабочим. Тихий, исполнительный, чуть туповатый, как и положено деревенщине, приехавшей в город на заработки. Имя такое смешное... Австрийское.

– Ты бы меньше языком трепал, – огрызнулся мистер Роу, – а воды подогрел. Похоже наш удалец надулся шнапсом или пивом, как последняя баварская свинья, и свалился в промоину. Грязи нахлебался, вдобавок холодина на улице, как зимой в Грампианских горах...

– Кажется, он не пил, – вставил свое слово лорд Вулси, нагнувшись над Реннером. – Нет запаха спиртного.

– Может, эпилептик? – предположил Тимоти, огорченно рассматривая заляпанный грязью винчестер. – У нас на ранчо был такой. Чуть что – колотится, пена у рта.

Наконец Монброн и Роу соорудили некую чудовищную помесь из бренди, кофе и растворенного тростникового сахара, слегка растормошили укрытого хозяйскими пледами Реннера и заставили выпить не менее четверти пинты. Тот ничего не ответил, но посмотрел благодарно. Сине-голубые глаза были затуманены.

– Пускай спит, – бросил Джералд, попутно прикрывая промасленной холстиной грудку соковок на столе. – Разместимся кому как удобно, не привыкать. А утром – гнать всех в шею! Эх, хорошо бы сейчас выпить. Робер, у тебя не осталось маменькиного ликерчика? Так замечательно согревает!

Монброн скуксился, поворчал, но все-таки полез под лежанку за сундучком, во чреве которого хранилось самое дорогое – кипы французских ассигнаций, пухлая чековая книжка семейного банкирского дома, письма от матушки и бутылочка привезенного из далекой Французской Гвианы бананово-орехового сладкого ликера.

Над седым Рейном рвались к полуночи, в неизвестные для человека дали, пышногрудые валькирии, гневливый Доннар метал яркие голубые искры, размахивая своим знаменитым Мьёлльниром, а великая река настороженно следила, как у ее западных берегов начинает разворачиваться трагический спектакль. Спектакль, начало которому некогда положил Зигфрид Нидерландский. Тысячу триста лет назад.

Оно вернулось. Случайно. Но ждать возвращения Зигфрида не стоило.

* * *

Столь красивое утро на Рейне ранней весной случается редко. Из-за дальних равнин, Баварии, Австрии, из-за просторов необозримой и грозной Российской империи нехотя, будто подчеркивая свои величие и вечность, выкатился багрово-золотой шар, ударил струями тепла по полосам белесо-голубого тумана, разогнал их в клочья и, в несчитанный раз отправился по нахоженной дороге, от восхода к закату, через зенит.

От матерчатых стен шатров поднимались почти неразличимые струйки пара, унося набранную за ночь влагу. Поднятый над берегом унылый бисмарковский флаг «шварц, вайсс унд рот», сиречь «черное, белое и красное» – начал распрямляться на ветерке, обретая видимость значимости и гордости. Рейн поутих и вновь превратился в лазурную атласную ленту, несущую воды от Альп к холодному Северному морю.

Лагерь спал. Рабочие, горные инженеры, мастера, даже шуцман, приставленный от местной полиции следить за порядком и просыпавшийся раньше всех, беспробудно дрыхли. Только в господской палатке, почти такой же, какие используют в Британской Индии инженеры и командиры подразделений колониальных войск, шел тихий разговор. И глаза у спорщиков горели нешуточным азартом.

– А ты уверен? Вдруг мы всего лишь раскопали затопленный корабль викингов, шедший с грузом награбленного на север? При чем здесь Нибелунги? Сами же и сядем в лужу!

– Робер, главное – это не фактическое составляющее клада, а умелая реклама. А уж я постараюсь, чтобы папочка сделал из нас знаменитостей, затмивших Шлимана. Техасская нефть запросто купит нам славу.

– Тим, золота пока выкопали не столь много, килограммов тридцать, ну, пятьдесят... А в Саге говорилось о несметных сокровищах!

– Килограммов пятьдесят? Это сколько в фунтах? А, ваша дурацкая метрическая система! Ясно, двести с лишком фунтов. Не много, не спорю. Но это *древнее* золото! Древнее, понимаешь? К каждому фунту золота за столетие, считай, прибавляется по унции! Эх, найти бы доказательство, что перед нами настоящий клад Нибелунгов! Не помнишь по тексту «Песни», в кладе была какая-нибудь отличительная вещь? Например, особенный меч или корона, которую носила Кримхильда? Или, допустим, то самое знаменитое копье Хагена, которым он убил Нидерландца? Чтобы всем продемонстрировать!

И так далее, и так далее. Двое самых молодых и самых горячих изыскателей заснуть нынче не сумели. Монброн бодрствовал потому, что никак не мог бросить на произвол судьбы терзающегося горячкой господина Реннера (матушка всегда строго предписывала помогать больным, как бы трудно это тебе не обходилось. Господь потом обязательно воздаст за доброе дело!). А Тимоти, богатый американский ирландец, у которого было все, кроме славы, предавался мечтаниям. Премии от университетов, археологические конгрессы, поздравления от знаменитостей, первые заголовки в газетах... и приключения, само собой. Сами подумайте – вывезти из суровой Германии, через несколько стран и границ, самое интригующее и таинственное сокровище последнего тысячелетия (если, конечно, не считать таковым чашу Святого Грааля!).

Прочие безмятежно спали. Уолтер Роу закопался в пледы, как барсук в нору. Его археологическая светлость Джералд Слоу, лорд Вулси постелил себе настоящую постель с простыней, подушкой и шерстяным одеялом, а спасенный Реннер...

Молодой господин Реннер, подсобный рабочий, сейчас не спал. Из-под полуоткрытых глаз он следил за тихо беседовавшими меж собой рослым рыжим парнем и чернявым полноватым юным мсье.

Реннер понимал из язык, однако никак не мог уяснить: кто они? Хирдманны? Сыновья вождей? А где доспех и оружие? Почему уже настал рассвет, а господа не одеваются к утренней службе? Походный лагерь? Возможно... И вообще, кто они – бургунды, сикамбры или ромеи? Странно. Лучше встать и спросить напрямик. Если это благородные люди, то они ответят честно и прямо. Если нет – тогда и говорить не о чем, а следует искать военного вождя.

Да нет же! Темненький, это досточтимый господин Монброн! А рыжий – Тим, который никогда не задирает нос перед простыми работягами, а нужно – и сам поможет, мужик он крепкий, они в Америке, наверное, все такие. Момент: а что такое «Америка»? И все-таки, где они хранят мечи? Стойки для оружия нигде не видно... Иисус и Приснодева, а как же ОН? Они пришли его освободить? Нет! Постой, Ойген, какой такой «Он»? Ты про кого?

С такими очень странными для современного человека мыслями беловолосый человек, носивший имя Ойген Реннер, провалился в беспокойную полудрему.

Дракон. Сатана. Воплощенный дьявол среди мира рабов Божиих. Он скован, заперт, он закрыт от мира... но откуда может появиться дракон в моей деревушке Линц, в Австрии, живущей под скипетром старого мудрого Франца-Иосифа? Там, среди холмов, где мы играли в войну между Пруссией и Францией, а командиром «пруссков» всегда был сын господина Алоиса Гитлера, начальника таможенной управы... Да-да, я отлично помню Адольфа – худющий парнишка, в чистой, но небогатой одежде. Мы иногда забежали перекусить к его матушке, фрау Кларе Гитлер – она пекла прекрасные пироги со свиной. Но меч, где я мог его оставить? Меч! Пусть не будет меча, но мое копье, которым был пронзен изменник Зигфрид, сумасброд, решивший, что сумеет повелевать Злом, Напастью, Драконом и не приносить горе другим... Ненавижу! Это он погубил всех нас вместе со своим проклятым сокровищем!

Спать, спать... Иначе я сойду с ума. Спать.

Ойген засыпал, однако чувствовал, как меняется мир. Мир, который он давным-давно (разве? Ойгену всего восемнадцать лет!) принял под свою защиту.

* * *

– Робер, бери пролетку, отправляйся к подрядчику. Скажи, что с рабочими я расплатился и передай ему гонорар. На вот тебе двадцать... нет, двадцать пять золотых марок. Ассигнациями не расплачиваемся. Господа, подойдите, получите жалованье.

Два десятка мужиков, кто помоложе, кто постарше, выстроились возле «конторы». Пятнадцать пфеннигов в день, не так и плохо. Щедрый иностранец. Расплачивался самый представительный – всамделишный лорд из-за Пролива, в сюртуке, атласном коричневом цилиндре и с неременной цепочкой на животе. Рабочие гудели: а чего вдруг закончили поиски? Неужто действительно провал?

Да, господа, провал. Концессия себя не оправдала. Нужных государству и частному предпринимательству ископаемых не нашли. Нашли только то, *что было нужно найти*. Вы уволены. Ищите работу дальше.

– Ойген! – Робер, сжимая в руке горсть серебряных монеток, украшенных распушившим крыльями орлом кайзера, радостно ворвался в палатку, где отдыхал болящий. – Держи заработанное, а главное, больше в лужи не падай. Намаялись мы с тобой.

– Ойген? – к прекрасно выпавшему за ночь и обретшему обычную жизнерадостность Монброну повернулся... Повернулся...

Он не особо высок, однако статен – такая осанка обычно называется «кавалергардской», будто шомпол проглотил – в обычной рабочей одежде, которую ночью заботливо сложили у койки. Светло-русые, а отнюдь не белые волосы. Худощав, но невероятно жилист, будто из веревок скручен. Ну да, Ойген Реннер.

Взгляд. Вот, что пригвоздило пронырливого, в общем-то спокойного и жизнелюбивого Робера Монброна к порогу. На вас когда-нибудь смотрел Юлий Цезарь во всем величии? А Наполеон? А король Филипп Красивый? На тебя глядят, как на мышку. Крысу. Как на ничто. Как на вещь.

– Ойген, ты чего? – ахнул Монброн, остановившись.

– Шлем Зигфрида Нидерландского, – небрежно сказал Ойген, отбрасывая на стол слегка покореженный, расцвеченный сбитой эмалью и золотой чеканкой шишак. – Откуда он у тебя?

– Н-нашел, – выдавил Монброн, роняя из кулака кайзеровские монетки. – Ойген, да что с тобой? Позвать кого?

– Соболагоизволь назваться, – с величием византийского императора проронил Ойген, не глядя на Робера.

– Мы же знакомы, – окончательно растерявшись, выдавил слегка напуганный Монброн. – Помнишь, в Вормсе? Подсобный рабочий и все такое...

«А вдруг он сошел с ума? – мелькнула у Робера мысль, – надо бы поосторожнее... Ладно, представлюсь по-светски».

– Робер де Монброн, Иль-де-Франс, город Париж. Ойген, вспомни, я же...

Робер не договорил. Ойген Реннер, простой парень из австрийской деревни куртуазно поклонился, услышав благородное имя, и назвал:

– Хаген из Тронье, Бургундия. Если я могу... ооо...

– Джерри, мистер Роу, у него опять судороги! Помогите! Тим, отошли за доктором в Кюртен! Давай же!

Ойген упал, тело начали бить конвульсии. Рот извергал мутную пену и слова на непонятном языке.

Надо сказать, что именно в тот момент Робер Монброн очень испугался. Он всегда боялся сумасшедших.

Первым на помощь прибежал лорд Вулси.
Спустя два часа британец тоже начал полагать себя умалишенным.
Этого просто не могло быть!
Сказок не бывает!

* * *

Увы, сказки бывают, и далеко не всегда добрые. Пока двое трудяг бежали в деревню Кюртен за доктором для внезапно и тяжело заболевшего Реннера, случилась еще одна неприятность, да такая, что выдавший виды Уолтер Роу только руками развел и понял: концессии пришел окончательный и закономерный карачун.

Трое из подсобных рабочих не подошли к хозяевам за жалованьем. Их позвали, но в шатре, стоявшем ближе всего к воде, оставалось тихо. Кто-то отправился проверить (и разбудить – наверное, просто приняли лишку вчера), и вылетел из небольшой палатки с задыхающимся криком.

– Scheisdreck! Mein Wirt, ist sie die Toten!! Alles die Toten!³

– Ч-чего? – Выгаращился Вулси, а Робер разинул рот и мелко перекрестился. – Быстро покажи, где!

Собралась вся компания и большая часть работяг. Окружили, перешептываясь, палатку. Вперед протолкался шуцман-полицейский, прибежавший из соседнего поселка, но толку от него было чуть. Седоусый ветеран франко-прусской войны, не видевший в своей жизни ничего страшнее утопленников и не разбиравший дел сложнее злодейской покражи поросенка из хлева фрау Гисслер, что живет в последнем доме по дороге на Вормс... И все-таки представитель официальной власти не помешает – его свидетельство будет ценно перед большим начальством.

– Мамочки, – только и выдавил напуганный Робер, заглянув внутрь через плечо насупленного и откровенно растерявшегося мистера Роу. – Их убили, да? Убили? Правда?

– Если ты, молокосос, немедленно не заткнешь пасть, – тихо рыкнул археолог, – я лично тебя придушу, а труп вышвырну в реку. Вон отсюда! А вы, милорд, подойдите. Что скажешь, Джералд?

Лорд Вулси посмотрел искоса, будто дрозд на букашку, медленно покачал головой и прохрипел:

– Я, конечно, не врач... Но, бесспорно, это насильственная смерть. И все равно... Кто мог сделать такое? В лагере полно народу. Мы почти до утра не спали, слышали бы крик или борьбу...

– Крик-то мы как раз и слышали, – мрачно произнес Роу. – Этот мальчишка, Реннер. Он?

– Бред, – шепотом ответил Вулси. – Когда мы его нашли, не было никаких следов крови. И чтобы в одиночку сделать *такое* с тремя взрослыми мужчинами? Никогда не поверю.

– Не знаю, не знаю... – Роу повернулся, высунул голову из низкого шатра и подозвал пожилого шуцмана, выглядевшего одновременно настороженным и опешившим. – Герр Хюгель, посмотрите сами. Боюсь, придется вызывать полицейских из города. Как это у вас называется, префектура? Судебный следователь?

– Разберемся, – буркнул усач в синей с серебром шинели, заглянул, а потом, бледный, как творог, выкатился наружу. Его сразу начало тошнить. При всех.

---

³ Вот дерьмо! Хозяин, они мертвы! Все мертвы!

Отлично начался день... Гора древнего золота, свихнувшийся незнамо на какой почве Ойген Реннер и три растерзанных мертвеца. Просто великолепно!

– Ой, Тимоти, – причитал бледный и взъерошенный Монброн, жадно прихлебывая бренди из запасов мистера Роу. – Я едва сам не умер! Там все в крови – стены, потолок, койки... И... И... Понимаешь, у каждого разрезана... Да что там разрезана, словно палахом разрублена грудь! И сердца нет. А лица... Господи, я, наверное, этого никогда не забуду!

– Заткнись. И помогай, – процедил хмурающийся Тим. – Болван, куда подевал гвозди?! Золото на дно клади. Прикрой брезентом. Ох, влипли! Влипли, так уж влипли!

– Точно, – всхлипнул Монброн, выполняя, однако, предписанные действия. – Если полиция найдет у нас сокровища, решат, что это мы убийцы. Мол, не поделили с нанятыми рабочими клад, поссорились, а остальное вышло так же, как в романах мсье Джека Лондона про «золотую лихорадку» на Клондайке. Что теперь делать, Тим?

– Что делать? – под полог нырнул встревоженный Вулси, – Рассказать полисменам всю правду, умолчав только об одной малозначащей детали. О золоте Хагена.

– Это не золото Хагена, – послышался хрипловатый голос. Реннер, о котором все давно позабыли в суматохе, вновь ненадолго очнулся. – Это золото Фафнира. Дракона. И это золото проклято.

Робер, Тимоти и Джералд только переглянулись. Реннер откинулся на спину и вновь затих.

Глава вторая СЛЕДСТВИЯ БЕЗ ВИДИМЫХ ПРИЧИН

Германская империя, побережье Рейна

27-28 марта 1912 года

– Сударь, разве мне стоит объяснять вам, человеку, бесспорно, образованному, что ставившаяся со столь тяжким преступлением, полиция обязана провести следствие до конца, не взирая на удобства или неудобства даже самых высокопоставленных и уважаемых лиц. Я просто обязан так поступить, Mein Herr Вулси. С меня будут требовать отчета имперские власти... Я государственный чиновник, существуют правила, предписания. Скажите спасибо, что мы никого из вас не задержали.

– Но господин офицер, все документы в порядке, концессия зарегистрирована в министерстве, в Берлине, посмотрите на подпись статс-секретаря Штрауба! Мы...

– Разговор окончен, сударь. Вы останетесь в Германии, пока расследование не придет к выводу о вашей вине или невиновности. Разумеется, при благоприятном исходе, мы извинимся за доставленные временные трудности и вынужденное бездействие вашего предприятия. Итак, надеюсь, в Вормсе я всегда смогу вас отыскать. Если же вы покинете город – будет отдан приказ о розыске и задержании. Не осложняйте себе положения, оно и без дополнительных эксцессов весьма двусмысленно.

...Если бы Брокгауз и Эфрон добавили в свою знаменитую энциклопедию статью «Бюрократ» и поместили рядом дагерротипный или фотографический снимок означенного существа, то лучшего образца, чем нынешний гость лорда Вулси, издателям было бы не найти. Прямотаки архетипическая личность.

Темно-синяя полицейская шинель с шитьем по рукавам и вороту идеально подогнана по тощей фигуре, сглаживая ее недостатки; фуражка-кепи с сияющим козырьком, тончайшие лайковые перчатки и лучезарные сапоги, отражающие реальность не хуже самого дорогого зеркала. Тяжелый «полицай-револьвер» на ремне, в начищенной кобуре. Венчает это сооружение маленькая крысиная голова, уши оттопырены, нос похож на вытянутый указательный палец, узкие и явно подкрашенные губки украшаются тоненькими, ниточкой, тараканьими усишками, а идеальный прямой пробор делит темные жидкие волосы на две гладеньких прилизанных полусферы. Воняет бриллиантином, сапожным салом и приторной кельнской водой, причем в равных пропорциях. Картину довершают чудовищно-непроизносимая фамилия «Киссенбарт» и характер потомственного бюрократа в двадцатом поколении: «Без надлежащей инструкции, разрешения, директивы или предписания никому нельзя даже дышать и потреблять пищу!»

Короче говоря, полицейское управление Вормса отправило на место кошмарного преступления своего лучшего сотрудника. Неизвестно, являлся ли обер-фольген⁴ умным или прилежным следователем, но вот приехавший к полудню доктор...

Местный доктор являл полную противоположность обер-фольгену Киссенбарту. Лорд Вулси полагал, что в лагерь прибудет эдакий седенький худощавый старичок с бородкой, сак-

---

⁴ Старший следователь (нем).

воляжником и в потертом сюртуке, измученный непереносимой подагрой и тихим алкоголизмом. Однако его светлость изволили серьезно ошибиться.

Доктору Курту Шпилеру оказалось немногим более двадцати семи лет, он прошлым годом закончил медицинский факультет Гейдельберга, купил небольшую практику в деревне, и, разумеется, ужасно скучал, не зная, как растрачивать энергию молодости в глухой прирейнской провинции – в студенческом Гейдельберге жилось куда веселее. Жаждавшие врачебной помощи чахоточные крестьяне, полнокровные бюргерши, страдающие коликами пивовары или вечно беременные жены мелких помещиков смертно надоели, как надоедает любая монотонная работа.

Шпилер примчался на скрипучей двуколке, оказался человеком англоговорящим, образованным и аккуратно одетым, чем немедля заработал симпатии всей, озабоченной утренними происшествиями, компании. Приволок с собой целых два саквояжика с медицинскими инструментами собственного изобретения. Выслушал сбивчивый рассказ концессионеров о событиях. Сказал, что мертвецы подождут, а врачу следует прежде всего позаботиться о живых людях. Засим доктор Шпилер побежал в господскую палатку, к отягощенному безумием Ойгену Реннеру, и сразу заставил Монброна вскипятить воды для мытья рук.

Реннер, пребывавший в странной полудреме, – то просыпался, то снова проваливался в глубочайшее забытие – к появлению энергичного господина Шпилера отнесся вполне безучастно.

А потом завертелось. Явился неприятный следователь Киссенбарт в сопровождении полудюжины конной полиции и тихого, как мышка, серенького помощника в наимельчайшем чиновничьем звании. Обер-фольген устроил громогласное расследование, потратил два часа на изучение места преступления (как положено, с лупой и блокнотиком для записей) допросил всех, до кого мог дотянуться, и закончил свою малоосмысленную, но суматошно-бодрую деятельность только к семи пополудни, когда начало смеркаться.

Вывод господина обер-фольгена потряс даже изрядно повидавшего жизнь Уолтера Роу. Оказывается в лагере орудовал человек, больной маниакальным сумасшествием. Ни больше ни меньше.

– Вы ведь помните дело о Джеке Потрошителе у вас, в Англии, несколько лет назад? – нудел Киссенбарт, попутно скрипя металлическим пером по бумаге протокола – к заполнению официальных документов он, похоже, относился с ревностью монаха-флагелланта, истязавшего плоть. – Ну тот, убийца, резавший публичных девиц в районе Уайт-Чипелл? В газетах об этом много писали. И лондонский случай вошел во все учебники криминалистики. Очень похожая стилистика преступления, очень... Господин Вулси, вы не замечали у ваших рабочих или сотрудников... странностей? Ну, там, мучительство над животными, привычка к жестокости с людьми, содомские склонности?

Тимоти громко фыркнул, Роу едва не сплюнул, а Робер зажал рот ладонью, чтобы не захихикать. Лорд Вулси напыжился, весьма искусно разыгрывая оскорбленные чувства, и величественно изрек:

– Когда я нанимаю поденщиков на работу, меня менее всего интересуют их, как вы, герр Киссенбарт, выразились, содомские склонности. А прочего не замечалось. Клянусь честью и титулом.

– Зря-зря, – мелко улыбнулся фольген, – наблюдательность всегда помогает в жизни. Итак, тела перевезут в Вормс, для вскрытия. Немедленно. Надеюсь, повозки вы предоставите.

Слово «надеюсь» звучало недвусмысленным приказом.

– Вскрытием могу заняться и я, господин судебный следователь, – не оборачиваясь, откликнулся доктор, по-прежнему сидевший у постели Реннера. – У меня в Кюртене прекрасная амбулатория с резекционным залом. Заверенный нотариусом и сельским шуцманом отчет я немедленно вышлю в город.

– Вы, простите за невежливую откровенность, молоды и неопытны, – с высокомерной снисходительностью заявил Киссенбарт, захлопывая толстую папку бурой свиной кожи и отправляя оную во чрево портфеля с вытисненным над замочком имперским орлом. – И меня не оставляет мысль об убийце-сумасшедшем. Странно, господа, что никто и ничего не слышал, кроме... Напомню: мастер смены сообщил при допросе, будто один из молодых рабочих ночью едва не утонул. Любопытно, что понадобилось поденщику на месте вашего раскопа? После полуночи, в темноте? Да, и почему я с ним не беседовал?

– Вот он, – Тимоти указал на бессознательного Реннера. – Верно, парень упал в яму и почти захлебнулся. Мы все вместе его оттуда вытаскивали и не заметили ничего подозрительного. Его одежда, понятно, оказалась испачкана в глине, а не в крови. А крови на месте преступления было – сами видели! – словно на чикагских бойнях.

– И все-таки, – непреклонно начал Киссенбарт, – я хотел бы...

– Ах, господин офицер, оставьте! – отмахнулся доктор Шпилер. – Молодой человек очень болен. Вероятно, тяжелейший приступ эпилепсии. И каталепсия вдобавок... Ничего не пойму. Сейчас вы от него ничего не добьетесь.

– Придет в себя – пускай явится в полицейское управление Вормса, – строго приказал обер-фольген, поднимаясь. – Вот именное предписание, вручите. Итак господа, время к вечеру, я возвращаюсь в город. Уверен, вы исполните мои предписания с пунктуальной точностью. Необходимые бумаги я оставил на столе. Честь имею.

– ...Уникальная сволочь, – выразил общее мнение о Киссенбарте Джералд Вулси после отбытия полиции и господина чиновника. – Тупой, самоуверенный тевтонский шакал.

– Будьте аккуратнее в словах, милорд, – усмехнулся доктор. – Я ведь тоже немец. Однако вы правы насчет тупости – сего выдающегося таланта у господина обер-фольгена не отнимешь. Версию он выдвинул абсурдную. Я осмотрел повреждения трупов и могу сказать, что... это прозвучит несколько странно, но человек, да еще и массовый маниакальный убийца, всегда убивающий жертвы поодиночке, не смог бы сделать такого. Я читал некоторые исследования по данной тематике и не могу ошибаться.

На доктора уставилось четыре пары заинтересованных глаз. А тот размеренно и авторитетно продолжал:

– По курсу судебной медицины в Гейдельберге мне зачли высший балл, это действительно интересный предмет – в процессе изучения понимаешь, до какой звериной жестокости иногда может дойти человеческая натура. Твоих ваших поденщиков убил не человек, это раз. Все произошло настолько быстро, что несчастные даже не успели закричать и позвать на помощь. Или не смогли сами схватиться за ножи. Это два. Тот, кто вырвал людям сердца, обладал невероятной, нечеловеческой силой – грудная клетка, признаться, очень крепкое изобретение природы, поверьте мне, как практикующему врачу, частенько занимающемуся хирургией. Разломать ребра, как корзиночку из ивовых прутьев, невозможно никакому силачу. Это три. Не заметно, чтобы убийца пользовался металлическими инструментами, только какие-то острые изогнутые крюки, наверняка когти – шрамы говорят об этом с полной ясностью. Видимо, действовал хищный зверь. Вот мой вывод.

– Но вокруг не обнаружилось никаких следов! – воскликнул Монброн. – Крупное хищное животное непременно оставило бы на мокрой глине отпечатки лап! И кровавого следа тоже нет. К тому же здесь, в обжитых местах, навряд ли можно встретить взбесившегося медведя или волков... Неподалеку заводы, гавани, железнодорожная линия – откуда в Прирейнской области могут появиться опасные хищники? Хищники с такими непонятными пристрастиями – вырывать сердца у жертв?

– Это и вызывает удивление, – пожал плечами доктор. – И еще одно. Мой пациент, как вы рассказывали, ночью кричал. Вы не предполагаете, почему? И как долго?

– Очень долго, – поразмыслив, ответил Роу. – Не менее трех-пяти минут. Но ведь эпилептики обычно издают перед приступами судорог вскрик.

– Краткий, резкий, очень громкий, – кивнув, подтвердил доктор Шпицер и пригладил слегка выющиеся русые волосы. – Ключевое слово здесь – «краткий». Секунда, ну три. Самое большее – пять. Понимаете? А господин Реннер вопил, по вашим словам, несколько минут. Так, словно...

– Словно увидел что-то, смертельно его напугавшее, – радостно добавил Монброн, догадываясь. – И бежал, спасаясь от этого чего-то. Будто от баскервильской собаки из романа мсье Артура Конан-Дойля. Не читали? Занятная книжка... Затем мсье Реннер поскользнулся, сверзился в яму. Действительно сударь, следует его расспросить. Когда придет в себя.

– Не нравится мне это, – с нехорошей интонацией сказал Роу, прикладываясь к неизменному бренди. – Очень не нравится. Предчувствие дурное. Кстати, доктор, не выпьете?

– Отчего же нет, благодарю, – Шпицер пересел к столу. – Я, господа, давненько за вами наблюдаю, уж простите за излишнее любопытство. Спрашивал у бургомистра, в земельной управе. Все твердят одно и то же: американо-британская концессия по разысканию каолиновых глин. Ничего себе дельце! Как по-английски – «бизнес»? Стоило ли из-за вонючей глины ехать через Атлантику? Кстати, prosit!

Доктор приложился, мужественно допил душистый коньячный спирт до дна и слегка поморщился.

– О, прекрасный бренди! Но для меня крепковат. Продолжим-с, господа. Рабочих вы наняли немного, копались только в окрестностях, не далее полутора миль от данного места. Я, в отличие от надутого индюка Киссенбарта, не только наблюдателен, но и умею делать выводы.

– И какие же выводы посетили вашу просвещенную голову, доктор? – нехорошо сощурился лорд Вулси.

– Давайте перечислим, – Шпицер непринужденно забросил ногу за ногу и откинулся на матерчатую спинку стульчика. Попутно плеснул себе еще бренди. Отпил. Начал размеренно, будто доцент на кафедре, говорить:

– Рейн недаром называют главной дорогой Европы. А людям свойственно что-нибудь на дороге терять. В этих краях ходит легенда, что во времена Тридцатилетней войны, затонуло судно с церковной десятиной, направлявшейся в Рим, – два десятка сундуков с серебром и золотом. Не столь давно, в 1909 году, во время речного шторма, о камни на левом берегу разбилась паровая яхта герцога Дармштадского. В сейфе судна остались бриллианты – я читал в журнале. Да кого здесь только не бывало – начиная от викингов, франков или ландскнехтов и заканчивая предприимчивыми дельцами, переправляющими по воде контрабанду из Австро-Венгрии и Швейцарии в Гамбург. И почти каждый что-либо терял. Все богатые люди такие рассеянные... Я доходчиво изложил свою догадку?

– Не совсем, – промычал Тимоти, во взгляде которого появилось угрожающее выражение. – Думаете, мы охотимся за кладами Рейна? Тогда объясните, почему ищем на берегу, а не наняли водолазов, чтобы тралить дно реки? Искать затонувшие суда с сокровищами?

– Да просто Рейн несколько раз менял русло! Где сейчас земля – была вода, равно и наоборот. Еще пример: утром вы рассчитали всех рабочих, погрузили на фургоны большинство вещей, однако исполнять наистрожайший приказ господина обер-фольгена и весело ехать в город отнюдь не собираетесь. Значит, что-то действительно нашли и пытаетесь избавиться от лишних глаз.

– Так!.. – Роу угрожающе поднялся, но доктор тотчас примиряюще вытянул ладони вперед.

– Нет-нет, не беспокойтесь, я не желаю вас шантажировать или докладывать властям, что иностранцы разграбляют национальное достояние рейха. Мне просто очень скучно в этой глуши. Представьте только: в один день происходит тройное убийство, я встречаюсь лицом

к лицу с таинственной концессией гробо... э... pardon, глинокопателей, да еще и во главе с настоящим британским лордом!..

Шпилер внезапно осекся, уяснив, что зашел чересчур далеко, покраснел, резко смутился и с натугой выдавил: – Простите, если я позволил себе лишнее. Я вовсе не хочу мешать в вашем деле. Если вы, господа, потребуете, я немедленно уеду домой. Порошки опия для вашего молодого друга, разумеется, оставляю. Простите еще раз за чрезмерную развязность. Мне не следовало...

– А ну сядьте на место! – Тим, широкий, как рыжий медведь, надвинулся на доктора, в глазах которого мелькнула обеспокоенность. Мало ли чего ждать от помешанных на неизвестных сокровищах иностранцев? Нож под лопатку, камень на шею и в реку... Нет, они люди благородные, к чему такие мысли? И все же...

– Джентльмены, мы влипли в нехорошую историю, – по-ирландски растягивая слова, начал Тимоти. – И, чуется мое сердце, это еще не финал. Из местных жителей мы ни с кем не знакомы, кроме досточтимого доктора. Предлагаю взять его в долю, в обмен за помощь. Док, полторы тысячи северо-американских долларов вас устроит? Триста британских фунтов по курсу лондонской биржи, между прочим...

– За что? – поразился Шпилер и потянул тугую завязку на темно-фиолетовом банте-галстук. – За молчание? Вы, господа, что, действительно убили тех... поденщиков? Но почему?

– Мы никого никогда не убиваем, – свирепо бросил Роу, с ненавистью глядя на американца. – Я бы советовал вам, доктор, поехать домой и навсегда забыть о сегодняшнем дне.

– Постойте, мистер Роу, – вперед вышел лорд Вулси. – Нам потребуется помощь не стесненного в передвижениях и не привлекающего внимания полиции местного жителя, да еще и хорошо воспитанного, честного молодого человека. Заметили, герр Шпилер сидит с больным уже несколько часов, а ни разу не обмолвился о плате за услуги... Это о многом говорит.

Пауза. Десяток шагов по палатке.

– Учтите, доктор, мы можем втянуть вас в абсолютно противозаконную, но многообещающую историю. Мне, Уолтеру Роу, мсье Монброну и Тимоти О'Доновану требуется немедленно покинуть Германский рейх. Выехать предполагается через Страсбург во Францию, затем в Кале, потом мы сядем на пароход, идущий куда-нибудь... допустим, в Новый Свет. У нас с собой груз. Исключительно ценный. Груз должен покинуть Германию вместе с нами. Тайно. Если поможете – станете очень богатым человеком, обоснуетесь за океаном или в колониях. Вам ведь терять нечего? Семьи-супруги-детей нет, практика, как сами изволили выразиться, скучная... Тысяча пятьсот долларов, предложенные Тимом, – только аванс. Если угодно, можете получить его немедленно. Тимоти?

На столик перед окончательно потерявшим нить событий и запредельно ошеломленным Куртом Шпилером легла слегка измятая пачка бело-зелено-черных денег с портретами незнакомых бородатых мужчин.

– Полторы штуки, цент в цент, – с техасской непринужденностью усмехнулся рыжий американец. – Точно, как в папашинем банке. И никто не попросит, вас, док, расписаться в ведомости или на чеке. Поймите наше положение – нам запрещен выезд из страны до времени пока этот драный Киссельшпиц...

– Киссенбарт, – машинально поправил доктор, созерцая маленькое состояние, выраженное в кипе банкнот государственного банка Северо-Американских Соединенных Штатов.

– Да, пока он не закончит свое дурацкое расследование. Паспорта отобрали, документы на концессию никаких прав не дают. Единственное, чего у нас в достатке, – деньги. И нам потребуется временное укрытие.

– Да объясните же, в чем дело! – взмолился доктор. – Вы шпионы? Контрабандисты? Торговцы незаконными товарами? Ничего не зная о вас, я ничем не смогу помочь! И... И я не хочу нарушать закон! Напоминаю, если не знаете: правосудие в Германии строгое.

– Сделаем так, – вмешался лорд Вулси. – Роу, Тимоти, переодевайтесь в рабочую одежду, зажигайте фонари. Поработаем ночку. Доктор останется с нашим эпилептиком, а ты, Робер, с доктором. Все ему расскажешь. С самого начала. Уяснил?

– Фф-у, – выдохнул Монброн, чьей утонченной натуре маменькиного сыночка претило ртыться по ночам в жидкой грязи. – Хорошо, согласен. Доктор, хотите, я угощу вас маминым ликером? Нам этот нектар присылают родственники из Вест-Индии.

* * *

Брюзжащий Роу, невозмутимо-величественный Джералд и посвистывающий Тимоти скрылись в сумерках за пологом шатра – лишь тускло мерцали огоньки фонарей. Рейн снова начал беспокоиться, и кричали древесными голосами сосны на высоких холмах. Едва взошедший месяц укутали тучи.

– Знаете, мсье, – проникновенно начал Робер, облачившись в теплый рыбацкий свитер из грубой, но отлично согревающей шерсти, – вы, скорее всего, мне не поверите. Я и сам доселе не верю.

– Я верю вот в это, – Шпилер критически осмотрел банкноты и зачем-то потрогал плотную, чуть сыроватую бумагу долларовых купюр. – Я... Просто я никогда не видел столько денег сразу. А деньги не платят просто так. Их надо заработать – это вечный и неизменный закон. Говорите, Робер. Я попробую понять.

* * *

...Жила в земле Бургундской девица юных лет,
знатней ее и краше еще не видел свет.
Звалась она Кримхильдою и так была мила,
что многих красота ее на гибель обрекла...

Вот так начиналась эта долгая и жутковатая сага, коей увлеклись в колледже трое молодых приятелей.

Вероятнее всего, события, о которых Монброн кратко рассказал нынешней ночью доктору Курту Шпилеру, происходили с 580 по 591 годы от Рождества Христова, но кто сейчас, за такую давностью лет, разберет точные даты? Словом, по мнению Монброна, эта эпопея выглядела примерно следующим образом.

Европа, разоренная бесчисленными нашествиями варваров, наконец-то начала строить новую цивилизацию – уже не римскую, а свою собственную. Династия Меровингов, последователей легендарного Меровея, от которого ведут свой род большинство европейских владык, повелевала тремя новыми государствами, расположившимися на землях нынешних Германии, Франции и Италии – Нейстрией, Австразией и Бургундией.

Три государства – одна династия.

Меровинги.

Искателей клада Нибелунгов более всего интересовала именно Бургундия, как страна, давшая начало цепи бедствий и трагедий, которые и привели Европу в нынешний, сравнительно цивилизованный вид.

...Времена великих героев, драконоборцев, эпоха, когда христианство вытесняло за грани нашей человеческой Вселенной, нашего Универсума, древних богов, времена борьбы между двумя религиями... Но если мы теперь крепко верим в Христа, в Его Смерть, Искупление и Воскрешение, то для язычников и их сыновей настолько же реальны были существа, верховенствующие над дохристианским Универсумом. Боги, духи, чудовища...

Дракона звали Фафниром. Обитал он ближе к северу Европы, возможно в Арденнах – в этих горах можно прекрасно укрыться и спрятать сокровищницу. Но давайте не забывать, что дракон в понимании викинга, гота или сикамбра – это не просто ящеровидное животное о четырех лапах, с двумя крыльями и огнедышащей пастью. Дракон – воплощенный в чешуйчатое тело Дух Разрушения, равный любому божеству по могуществу.

Фафнир был последним и самым сильным.

Зигфрид Нидерландский – скандинавы, изменив имя героя на свой лад, именовали его Сигурдом – убил Фафнира. Умирая, Фафнир проклял и Зигфрида, наследника Нидерландского трона, и сокровища, которые ушлый варвар, разумеется, забрал себе.

– Таков отважный Зигфрид, храбрейший из мужей.
Досель еще не видел мир бойца, его сильней.

Могу я и другое порассказать о нем.
Он страшного дракона убил своим мечом,
В крови его омылся и весь ороговел.
С тех пор чем ни рази его, он остается цел.

Вскоре Зигфрид женился на Кримхильде из Бургундии, родной сестре трех братьев-королей из династии Меровингов. Все перипетии их семейной жизни описывать долго и неинтересно, кто хочет, может сам перечитать «Песнь о Нибелунгах». Но Кримхильда получила в качестве свадебного дара клад – драконье золото, которое несло бедствия своему владельцу.

...Там камней драгоценных была такая гряда,
Что их на ста подводах не увезли б оттуда,
А золота, пожалуй, и более того.
Таков был клад, и витязю пришлось делить его.

Хаген, близкий друг и своеобразный покровитель трех бургундских королей, взял на себя смелость убить Зигфрида, как вечный источник несчастий для своей королевы и самой Бургундии, затем настоял, чтобы Кримхильда повторно вышла замуж – за короля Этцеля, обитавшего где-то «на востоке». По дороге из Вормса в столицу Этцеля мажордом Хаген выбросил в Рейн проклятое сокровище и, вместе с тремя братьями-королями, поклялся, что местонахождение драгоценностей ящера навсегда останется их общей тайной.

Тем не менее проклятие дракона Фафнира настигло каждого – и Кримхильду, и королей Бургундии – Гунтера, Гернота и Гизельхера. И самого Хагена. Все они вскоре погибли в междоусобной бойне.

Клад исчез на тысячу триста лет. О нем периодически вспоминали, были попытки начать поиски, но седой Рейн тщательно хранил доверенную его водам тайну.

...Хранил до времени, пока трое молодых нахалов не прочитали «Песнь о Нибелунгах» внимательнее, чем все их предшественники, подобно мэтру Шлиману тщательно отсеивали мифологическую шелуху, не выпросили у родителей денег (как, например, Тимоти и

Монброн), или не сняли со своего счета (как лорд Вулси), не высчитали приблизительное местонахождение – примерно в десяти милях южнее Вормса – и...

И пока не нашли сокровище, что погубило Бургундскую династию тринадцать столетий назад, в 591 году.

Вот такая история, доктор Шпилер.

Верите?

* * *

– Не верю, – Шпилер изумленно качал головой, хватался попеременно то за остатки ликерчика, то за преподнесенные Монброном французские папиросы, то вставал и ходил вперед-назад по шатру, не забывая, однако, иногда проверить пульс у тяжело дышащего Реннера.

– Клад Зигфрида и Хагена! Это просто красивая легенда! Подобно несуществующему Святому Граалю! Знаете, мсье, одно время я занимался эзотерикой. Так, увлечение юности... Наслушался много сказок о древних проклятиях, священных предметах, магических артефактах, оставшихся с незапамятных времен. Чушь и выдумки нервных дамочек-кокаинисток! Наступили другие времена! Паровозы, телеграф, электричество! Построили самое гигантское судно в истории – слышали про «Титаник»? – а вы мне рассказываете легенду полутораты-сячетлетней давности! Да, возможно, найденное золото действительно очень древнее, любой богатый музей отдаст за предметы из клада баснословную сумму, но... Но клад Нибелунгов? Самая таинственная и великая легенда Германии? Бред!

– Вот не далее как сегодня утром, – Монброн торжествующе кивнул на почивающего Ойгена Реннера, – этот парень в припадке эпилептического безумия пытался втолковать мне, будто он Хаген из Тронье – тот самый! – а найденный нами вендельский шлем однозначно определил как шлем Зигфрида Нидерландского. Воздействие силы клада на простого мальчишку со слабым рассудком? А чего он так испугался ночью? А кто убил рабочих? Не слишком ли много странных совпадений?

– Вы просто сами себя убедили, – устало сказал доктор, плюхаясь на свободную реечную кровать. – Самовнушение. Читали новомодные сочинения доктора Зигмунда Фрейда из Вены? Хотя... Расскажите-ка мне о господине Реннере. Все, что знаете. Может быть, это поможет в лечении. Давайте отвлечемся от басен о легендарных кладах. Поверить хочется, но... Знаете, всякие эзотерические общества изрядно попудрили мне мозги во времена Гейдельберга. Я ходил на обряды, слушал, наблюдал – арифмология, спагирия, основы теургии, гимнософия, мемфисская иероглифика... Это все пустое. Понимаете – *пустое*. Развлечения для одуревших от безделья богачей. Не имеющие под собой никакой реальной основы выдумки. Как и ваша история про дракона и его проклятие. Давайте лучше о пациенте.

– Хорошо... – пожал плечами Монброн. – Я ведь не расспрашиваю у каждого нанятого рабочего историю его жизни и болезней. Так, где его контракт? – Робер забрался в шкатулку с официальными бумагами липовой глиноземной концессии, поворошил синеватые плотные листочки, и извлек один под свет керосинки. – Извольте. Ойген Клаус Реннер, из Линца, Австро-Венгрия. Родился в 1894 году. Исповедания католического. Временный вид на жительство в Рейхе. Специальность – разнорабочий. Нанят... Оплата поденная... Штрафов не было. Вот и все.

– Потрясающе! – скривился доктор Шпилер. – Вы мне сейчас невероятно напомнили господина Киссенбарта, не к ночи будь помянут. Я просил рассказать о человеке, а не читать идиотическую бумажку. Робер, вы работали с ним, наблюдали много дней, разговаривали. Не заметили ничего особенного?

– Гхм... Честное слово, ничего! Слегка стеснителен, но провинциальные парни, особенно иностранцы, все такие. Малообразован – наверное, на уровне школы при церкви, класса четыре, не более. Говорит на выраженном австрийском диалекте, однако я не очень хорошо разбираюсь в особенностях диалектов немецкого языка. По-моему, Ойген здоров как бык – посмотрите на его мышцы! Работал хорошо, если попросишь помочь сверхурочно – отказываться не будет. С рабочими дружил, то есть в выходные пил наравне, хотя очень пьяным я его никогда не видел. За эти месяцы ни единого разу не болел. Это странно: я слышал от маменькиного доктора, мсье Лавалья, будто эпилепсией заболевают в раннем детстве, а если верить метрике – Реннеру уже целых восемнадцать лет. Может, он скрывал приступы?

– Такое не скроешь, – озадаченно проворчал доктор. – Что вы будете делать с ним дальше?

– Если не выздоровеет в ближайшие день-два, пока мы здесь, придется отправить в Вормс, в госпиталь. Джералд может заплатить за лечение. А как по-вашему, мсье Шпицер, молодой человек поправится?

– Еще раз повторите его утренние слова, – потребовал врач. – Про Хагена, про шлем. Опишите поведение. В мельчайших подробностях. Печенкой чувствую, мсье, дело здесь очень нечисто, прав был этот бульдогообразный Уолтер Роу. Рассказывайте же!

Монброн и рассказал. Да, Ойген повел себя неестественно – по меньшей мере работяги из захолустного Линца по природе своей не могут употреблять слово «соблагоизволить» и смотреть на тебя глазами Константина Великого, заметившего вошь на императорском пурпуре. Узнал шлем, выуженный из ямы возле реки и точно определил владельца. Потом что-то бормотал о проклятом золоте... Обычное помешательство.

– Нет, не обычное, – опроверг выводы Робера доктор. У Шпилера аж нос покраснел от напряжения. – Знаете, мсье Монброн, мой изначальный скептицизм тает с каждой минутой. Кто еще кроме вас и ваших друзей знал о цели поисков? О том, что причиной приезда в Рейх и раскопок возле реки является именно клад Нибелунгов, золото дракона? Вы *обязаны* были держать *такую* цель в тайне от властей и газетчиков!

– Никто, – удивился Робер. – Я даже маме не сказал. Просто отправился отдыхать с университетскими приятелями на Рейн. Мы никому не гово... Впрочем, постойте. Как же я мог забыть! Аббат Теодор Клаузен из монастыря Святого Ремигия. Это здесь, неподалеку. Очень начитанный человек, иезуит, он помогал нам в поисках на местности, консультировал, искал сведения в старинных рукописях. Аббат Теодор тоже в своем роде концессионер, какой-то приятель лорда Вулси. Но археология интересует аббата лишь как искусство. Он обещал хранить тайну, как и каждый из нас. Неужели отец Теодор прислал к нам согладая? Ойгена?

– Это единственное разумное объяснение тому, что необразованный австрияк мог в помрачении сознания, следующего за припадком судорог, упомянуть о кладе Зигфрида, – Шпицер понимающе поджал тонкие губы. – Говорите, ваш аббат – иезуит? Навевает нехорошие подозрения. А если могучий орден, поддерживаемый Папой Римским, ныне испытывающим серьезные финансовые затруднения – газеты-то читаете? – заинтересовался вашим сумасбродным прожектом и просто использовал вас... Как говаривал основатель иезуитского ордена, святой Игнатий Лойола – цель оправдывает средства. А цель простая – столь необычным образом пополнить тощую казну Ватикана.

Монброн насутился и гордо парировал:

– Вы наверняка протестант и не знаете истинного контекста упомянутой фразы святого Игнатия. Цель – есть спасение бессмертной души человека. А ради этой благой цели можно оправдать любые средства. Понимаете?

– А-а-а... Не знал, простите, – доктор слегка поклонился, в извинительном жесте. – Никогда не интересовался официальной теологией, особенно католическими догматами. Как-никак, эпоха просвещения и все такое прочее... Но связываться с иезуитами? Конечно, на дворе цивили-

лизованный двадцатый век, никто уже не верит в подобный вздор, да и орден Иисуса перестал быть общеевропейским пугалом... Боже, опять что-то стряслось!

Снаружи донесся яростный рев Уолтера Роу. Голос британца ни с чем не спутаешь – трубный глас разгневанного слона, наложенный на протяжный гудок линейного крейсера в тумане под Дувром. Разобрать слова за шумом ветра было невозможно.

– Веселенькое у вас предприятие, Робер, – торопливо выговаривал Шпицер, яростно пытаясь засунуть ладонь в запутавшийся рукав пальто. – Что нас ждет сегодня ночью? Еще десяток порванных в клочья мертвецов? Оборотни? Граф Дракула? Оделись? Берите любое оружие и бежим на помощь! У меня тяжелая трость...

– Какие мертвецы? – едва не рыдая вскричал Монброн, выпрыгивая в сапоги. – Поденщики разъехались днем, шутцман вернулся в деревню, остались только мы. Отчего Роу так надывается?... Кошмар! Зачем я только в это ввязался!

* * *

Госпожа Радклифф, знаменитая сочинительница ужасных повестей, коими в прежние (да и в нынешние) времена зачитывались впечатлительные бледные барышни и уважаемые великосветские матроны, пришла бы в неописуемый восторг от эдакой готической ночи – все великие злодейства и таинственные преступления совершаются именно в такой зловеще-романтической обстановке.

Широкая черная река, на поверхности которой изредка вспыхивают мимолетные белые полосы барашков волн, неполная луна подсвечивает старым серебром низкие облака, стайками ползущие к морю; где-то вдалеке, над Баварией, посверкивают бесшумные искорки молний – гроза настолько далеко, что отзвуки раскатов не слышны. Сумрачно подвывает и всхлипывает ветер в прибрежных скалах, на темных холмах угрожающе шумят кроны вековых сосен, с мерным плеском разбиваются о каменисто-глинистый берег волны седого Рейна... Не хватает только полуразрушенного замка на скале, тоскливого волчьего воя, оранжевых факелов и душераздирающего хохота какого-нибудь живописного злыдня наподобие Синей Бороды.

Зато прочих чудес более чем достаточно.

Монброн и доктор, поскальзываясь и отпуская тихие проклятия, вихрем примчались на место событий – то есть к раскопу с кладом – и поначалу не обнаружили ничего экстраординарного, за исключением продолжающего ругаться мистера Роу и крайне обескураженных Тимоти с Джералдом. Фонари горят, вода из ямы вычерпана более чем наполовину, плащ-палатку, расстеленную здесь же, украшает темная куча, по ближайшему рассмотрению являющаяся скоплением грязных монет и траченных временем украшений. Куча, однако, большая: по первой и неправильной оценке Монброна – не менее сотни фунтов весом.

– Что... Что произошло? – чуть задыхаясь осведомился Робер у вымазанного грязью по самые брови лорда Вулси, однако в ответ получил спущенный, будто камнепад, град самых вычурных ругательств, исходивших от мистера Роу. Ясно прослеживалось только одно, наиболее часто повторяющееся слово: «чертовщина». Монброн заметил, что Тимоти сжимает в руке «Смит и Вессон», а курок взведен.

– Да в чем дело-то? – жалобно воззвал Робер. За спиной напряженно сопел доктор Шпицер. – Привидение Зигфрида явилось? Или сапоги промочили? Мсье?!

– Вот оно! – снова взвыл Роу, вытягивая руку в сторону прибрежной косы. – Тим, стреляй!

– Во что? – рывкнул в ответ техасец, а внимательный Робер различил в голосе Тимоти нотку настоящей, нешуточной паники. И медленно начал пугаться сам. – В призрака? В морок?

– Тише, тише, джентльмены, – слегка дрожащим голосом остановил спорщиков Джералд. – Понаблюдаем. Крайне необычное явление, никогда о подобном не слышал... Да, точно, оно на косяке, справа. Не двигайтесь и не шумите. Робер, перестань дрожать.

...Это походило на клочок золотистого тумана, по которому изредка проскальзывали едва заметные синеватые искорки. Сгусток, имевший размеры крупной собаки, но не владевший определенной и ясной формой, повисел над песком и начал медленно двигаться к груде валунов, разбросанных сразу за лагерем, в трех десятках ярдов. Монброн решил, что по виду явление непонятно, однако неопасно. Вроде облачка газа.

Пока туманный хвост мелькал в камнях, Роу, чертыхаясь через каждое слово, повествовал о причине внезапно охватившей кладоискателей паники.

– Мы убрали большую часть воды ручным насосом... Края только постоянно оползают... Тьфу, дьявол! Там, – археолог выразительно и смачно сплюнул в зияющую яму, – не меньше шестисот фунтов золота и артефактов. Я и Тимоти спустились вниз. Попадались интересные вещицы – потом посмотрите. И тут я беру... Меч, наверное, в ножнах с византийской, как успел разглядеть в этой поганой тьме, чеканкой. И тут выскакивает оно! Прямо передо мной, из-под земли, точнее, из воды! Тварь эдакая! Лицо обожгло – брови спалил. Ударило искрами, будто голый телеграфный провод потрогал, только гораздо сильнее. И шипеть начало!

– Шипеть? – слабо переспросил Монброн, чувствуя, как слабеют ноги.

– Да, именно шипеть, а не декламировать сонеты Байрона! – оглушительно рявкнул археолог. – Как паровозный котел! Только гораздо хуже! А совсем жутко то, что в шипении я различал слова! Не знаю, какой это был язык, но явно не романский и ни один из современных. Я едва в штаны не напустил, да и то бы не беда – промок в яме насквозь. Потом оно снова ударило искрой, будто хотело отогнать, и улетело к берегу. Как пар! Туман! Понимаете?

– Уолтер, успокойся! – поднял голос лорд Вулси. – Существует много неизученных тайн природы, электрические явления в почве, земной магнетизм...

– Никакой магнетизм не будет с тобой разговаривать! – с озлоблением процедил англичанин. – А оно *разговаривало*! Ясно? И, кажется, мы ему не понравились! Тьфу, бесовство! Я ведь предупреждал – место здесь необычное. Кстати, где теперь находится тварь, никто не видит?

– Над рекой, – Тимоти вытянул руку в сторону Рейна. – Плавает над волнами, в воздухе. Довольно далеко. Уолтер, вы запомнили хоть одно слово?

– Какое там, – махнул грязной рукой археолог, – хотя, постой. Одно впечаталось в память... Нечто вроде «вер трик хэр ек ком». Точно, наверняка так.

– Эти слова явно из группы германских языков, – уверенно сказал из-за спин концессионеров доктор Шпилер. – Я изучал в университете. Знакомые корни. Только какой язык? Готский? Древненорвежский? Стародатский?

– Почему сразу «древне» и «старо»? – настороженно повернулся к доктору Джералд. – О чем вы подумали, сэр?

– О том, – яростно ответил Шпилер, – что если вы, господа, по глупости затронули интересы существ сверхъестественных – расхлебывайте последствия. Клад древний, а тогдаклады охраняли твари, которых мы теперь полагаем *волшебными*. И о которых ничего не знаем! Помните непобедимого дверга Альбриха из «Песни о Нибелунгах»? А лично Фафнира, хранителя сокровищ? А сам народ Нибелунгов, о котором известно только то, что он существовал, и ничего более? Поверьте, наши предки не были выдумщиками и фантазерами – волшебные твари являлись для них такой же реальностью, как для вас депозит в банке, или для меня стетоскоп!

– И вы верите в подобную чушь? – поразился Вулси. – Доктор, вы же закончили один из лучших университетов Европы!

– Чушь? – упрямо возразил обозленный и (чего скрывать!) напуганный Шпицер. – Эта самая чушь сейчас парит над Рейном и наблюдает за нами. Взгляните и убедитесь, милорд. Земным магнетизмом это... чудо не объяснишь.

– Наблюдает оно не за нами, – тихо сказал Тимоти. – Кажется, я вижу огни. Чувствуете, стук колесных плит по воде? Подходит небольшой пароход или буксир. Точно, фонарь на баке... а наш красавчик ими заинтересовался. Смотрите же, остолопы, оно летит к судну!

В предутренней серой хмари пятеро обескураженных людей могли наблюдать, как по фарватеру Рейна медленно движется совсем небольшой колесный корабль. Два позиционных огня – на баке и на корме, обычные керосинки. Высокая черная труба исторгает угольный дым. Судно шло осторожно – ночь, а Рейн река непредсказуемая, особенно если ты находишься на борту маленького буксира. Шквал, внезапный порыв ветра, и неприятностей не оберешься.

– Наверное, перегоняют из Людвигсхафена в порты Вормса или Майнца, – со знанием дела сказал Роу, лучше других знакомый с местной речной географией. – Утром заберет новую баржу и снова потянет на юг. Гляньте, джентльмены, наш бестелесный приятель уже рядом с судном. То-то будет потом сплетен на реке – настоящее водяное привидение!

– Боюсь сплетен не будет, – сквозь зубы протянул Вулси. – Робер, сбегай в палатку за моим биноклем! Быстрее, остолоп!

Спектакль начался еще до того, как отличный цейсовский бинокляр оказался в руках его светлости. Размытое облачко начало менять цвет – по нему пробежали алые и багрово-красные полосы, желтизна исчезла, послышался отчетливый треск, будто после бури, когда атмосферные разряды гуляют по громоотводам зданий... Над неизвестным буксиром разразилась маленькая гроза – красные молнии мгновенными выстрелами пробовали на вкус такелаж, опутали трубу, отчего корабль на несколько мгновений превратился в водоплавающее подобие рождественской елки.

И тогда же великую реку огласили самые жуткие звуки, которые мог когда-либо услышать человек. Робер судорожно вцепился в плечо Тимоти, но почувствовал, как обычно беспечного и неустрашимого техасца колотит. Роу тяжело дышал и поминутно сплевывал, ладони Джералда вздрагивали, пот заливал лицо, мешая наблюдать, стекла бинокля мигом запотели...

Грохот ломаемого дерева и металла, человеческий визг – взрослый мужчина может издавать такой звук только единственный раз в жизни, в первый и последний. Бухтение машины, сбавлявшей обороты, щелчки, похожие на взрывы петард, снова крики, переходящие в недвусмысленный хрип.

А над этой кошмарной какофонией главенствовал чей-то громкий шепот. Успокаивающий, невозмутимо-размеренный, уверенный в себе шепот, не принадлежащий человеческому существу. Оно будто разговаривало само с собой, комментируя для себя происходящее, говорило о чем-то неизвестном и давно минувшем, повествовало о некоей тайне в забытом скальдическом ритме. Это и было ужаснее всего – оно, наблюдая за разворачивающейся на Рейне драмой, просто разговаривало. Со спокойной отрешенностью.

Холод, холод, ледяной холод пополз на берег, ровный, постоянный, пробирающий до костей. И чем морознее становилось, тем громче разговаривало Оно.

Кончилось все внезапно, словно фитиль задули.

Полнейшая, крошечная тишина. Даже плеска волн не слышно. Буксир исчез. Золотистое облачко, накрывшее судно, тоже – пусто и тихо на реке.

– М-мнения и мысли? – Джералд первым пришел в себя, пускай и слегка заикался от холода и испуга. Мороз, кстати, начал исчезать, его сносило вниз по реке, а ветер, пришедший на смену промозглой стылости, казался невероятно теплым.

– Мнения? – выдавил Тимоти. – Если я еще хоть однажды замечу вблизи подобную чертовню, унесу ноги побыстрее. И подальше.

– Никаких разумных объяснений, – прошелестел доктор Шпилер, чья кожа в предрассветных сумерках казалась не бледной, а синей, как у покойника. – Один совет, господа, – надо немедленно сворачиваться и уезжать. Вы выкопали что-то плохое... ОЧЕНЬ плохое, понимаете? Господи, спаси и сохрани...

– Еще священника позовите, окропить бережок и чертей погонять, – Уолтер Роу провел ладонью по взмокшему лицу. – Собираемся тотчас после рассвета и ретируемся в Вормс. А лучше вообще в Америку. Дьявол с ним, с кладом. Кажется, мы наблюдали доподлинную нечистую силу. В натуральнейшем виде.

И, как подтверждение его слов, в раскрытой неподалеку яме с сокровищами громко и сочно хлюпнуло. Будто гиппопотам наступил в лужу жидкой грязи.

– Постойте, – вдруг воскликнул Тимоти, остановив тем самым общий порыв рвануться к шатру и укрыться за его непрочными стенами. – Видите, плывет? Там, правее! Эх, была не была!

– Тим, стой! Ополоумел? – лорд Вулси повис на плечах начавшего сбрасывать промокшую куртку техасца, но Тимоти сбросил его, как медведь сбрасывает с холки охотничью собаку. – Остановись! Я приказываю, наконец!

– Да кто ты такой, чтобы приказывать ирландцу? – процедил Тим, сдирая брезентовые штаны и умопомрачительно грязную нижнюю рубашку. – Сами натворили, сами и будем исправлять, не дети малые. Утону – невелика потеря, у папочки куча других претендентов на наследство, мы ж не поганые янки, а настоящие ирландские южане, семья большая! Присматривайте за мной. И ни с места! Сбежите – прокляну прямиком из преисподней, не хуже Фафнира... Ах, тварь, вода холоднющая!!

И бесшабашный техасец, не особо долго думая, с размаху бросился в Рейн. Поплыл быстро, умелым брассом, к месту, где виднелось нечто бесформенно-темное, покачивающееся на мелких волнах. Через полторы минуты со стороны реки понеслись захлебывающиеся идиомы, метафоры и эпитеты, понять которые могут только самые отпетые фении с улиц Дублина.

Тим, однако, сумел подхватить непонятный предмет и с натугой отбуксировать к берегу. Неожиданно осмелели остальные – вошли по колено в воду и общими усилиями выволокли добычу на берег.

– Т-твою мать... – емко высказался Роу, а несчастный, испереживавшийся Монброн только пискнул, будто голодный птенец.

– Вот вам и маниакальный убийца, благоволите! – дрожа, выговорил Тимоти, принимая из рук участливого доктора шерстяное пальто, чтобы хоть чуточку согреться. – Видели?! Видели, спрашиваю? У-у-у, кладоискатели хреновы! Допрыгались!

У них под ногами, на влажном песке, лежал труп. Труп мужчины среднего возраста, небритого, в темной плотной одежде и разорванной моряцкой нижней фуфайке с широкими синими и белыми полосками. Туловище было располосовано от лобка до шеи, петли кишечника частично вывалились, чернела печень. Ребра переломаны так, словно по грудной клетке долго молотили топором. Грудина вообще отсутствовала, а в темном провале под шеей...

– Сердце, – проговорил доктор Шпилер, наклоняясь. – Удалено сердце. Впрочем, не удалено – вырвано, грубо и безжалостно. Видите разорванную аорту?

Монброна громко и натужно вырвало маменькиным ликером и галетами.

– В реку его, – непререкаемо приказал Тимоти, незаметно для самого себя принявший командование над компанией перепуганных авантюристов. – Если дойдет до полиции... В Германии опасных преступников гильотинируют или расстреливают?

– Вешают, – машинально ответил доктор, продолжая разглядывать мертвеца. – Да, герр О'Донован, пусть его похоронит Рейн. Тело не найдут – со вспоротым животом оно очень быстро утонет.

Труп оттолкнули багром, тело подхватило медленное течение и вскоре темный силуэт исчез из виду.

Яму, где хранились несметные сокровища Зигфрида, не сговариваясь, обошли стороной.

Глава третья

ПРЕВРАЩЕНИЯ ТУДА И ОБРАТНО

Германская империя, аббатство Св. Ремигия

28-е, ночь на 29 марта 1912 года

Как нынешним утром выразился его светлость Джералд Слоу, лорд Вулси, «жадность человеческая пределов не имеет и перед этой великой силой отступает даже самая нечистая из всех нечистых сил».

Собирались суматошно, быстро, но без лишней паники. Доктор, вызвавшийся помочь (и сам весьма заинтересовавшийся невероятными событиями последних суток), укатил к себе, в Кюртен – рассчитаться с квартирной хозяйкой, сообщить в магистрат поселка, что он вынужден срочно уехать по личным делам, а следовательно, врачебная практика в Кюртене остается вакантной. Денег за оставленную практику он не требует.

Еще бы он требовал – в кармане сюртука мирно покоились целых полторы тысячи долларов Северо-американских Соединенных штатов! Почти состояние!

В раскоп никто больше не полез – только настырный Тимоти выудил из ямы еще с полтора десятка самых крупных (а, значит, самых ценных) вещиц, швырнул их в общую кучу и побежал к лошадям – готовить повозки. Джералд и мистер Роу с грехом пополам отмывали при помощи ручного насоса извлеченные из ямы драгоценности, археолог то ахал, то ужасался, когда на глаза попадались цветные, но плохо обработанные камни или монеты времен Марка Аврелия, а то и траченное временем оружие. Монброн, у которого окончательно сдали нервы, стащил со стола оставленный для поныне не пришедшего в себя Реннера порошок опия, заглотил, запил глотком бренди и мигом был сражен глубочайшим сном.

Дальнейший процесс оказался крайне простым и рассчитанным на безграмотных таможенников – сокровища укладываются в похожие на гробы ящики для геологических инструментов, прикрываются промасленным холстом, а сверху заваливаются указанными инструментами, свернутыми палатками и прочим невзрачным хламом, наподобие карбидных ламп или складной походной мебели. На границе, само собой, такой примитивный фокус не пройдет, но на территории Германии полицейские нелюбопытны, лишь бы бумаги у господ концессионеров были в порядке.

А вот с бумагами как раз никакого порядка нет. Паспорта забрал с собой в Вормс противный Киссенбарт, оставив только бумажки с отметками о визах и разрешения на пребывание в пределах Великогерманского Кайзеррейха. К счастью, у Монброна остались все министерские разрешения на производство земляных работ в пределах княжества Рейнланд-Пфальц, а сие означало дополнительную защиту от излишне бдительных представителей власти – если имперское министерство дозволило, значит, орднунг соблюден.

Но что же делать дальше? Куда направляться? Как вызволить у Киссенбарта паспорта?

Чрезвычайный совет был собран в два часа пополудни, когда вещи (и клад) были упакованы, лошади запряжены, а господа концессионеры были готовы переодеться в достойное для приличных и богатых людей партикулярное платье и отбыть в неизвестность, подальше от нехорошего берега.

Настроение улучшилось – при ясном солнечном свете события минувшей ночи воспринимались дурным сном или цепочкой невероятных случайностей, приведших к катастрофе на реке. Но Уолтер Роу – угрюмый и недовольный как раз в меру – в сотый раз демонстрировал каждому желающему опаленные брови и ресницы и покрасневшую кожу на лбу: будто кипятком плеснули. Больно, между прочим.

– Хватит на сегодня о мистике, – взмолился Джералд, критически оглядывая слегка покачивающегося после дозы опия Монброн и посапывающего Реннера.

«Странно, – мельком подумал Вулси, – показалось или нет: у австрийского парня будто бы обострились и чуть огрубели черты лица, словно повзрослел на несколько лет за сутки...»

– Господа! Старые планы придется отменить. Положение у нас весьма трудное. На руках имеется – мы с мистером Роу на глазок измерили – чуть более четырехсот фунтов древнейших ценностей и более десятка крупных предметов, которые приведут в экстатический восторг директора любого музея. Но... Мы под надзором полиции. У нас нет документов. Наши изыскания сопровождаются весьма загадочными и трагическими событиями, ставящими меня, как главу экспедиции, в логический тупик. И, наконец, у нас на руках тяжело больной человек, которого необходимо отправить в лечебницу.

– С Реннером разберемся, – ответил Тимоти, с видимым удовольствием натягивавший чистую льняную рубашку. – Прибудем в Вормс, у первого же постового шуцмана спросим, где поблизости хороший госпиталь и устроим мальчишку со всем этикетом. Надеюсь, никому не будет жалко денег на его лечение и содержание? Парень все-таки хорошо работал, и он не виноват, что заболел.

– Согласен, – кивнул лорд Вулси. – Повозки с... инструментами?

– Проще не придумаешь, – на этот раз вступил мистер Роу. – В монастырь, к твоему дружку-аббату. За приличную мзду и пару древних золотых монеток из клада он укроет ящики до времени, покуда шум и гам не улягутся. Мы же будем прохладиться по пивным в Вормсе, дожидаясь, когда полиция закроет дело.

– Закроет? – с сомнением покачал головой Джералд. – Тройное убийство, да еще такое... Думаю, это случится не скоро. Не хочу полгода торчать в стране, насквозь провонявшей кислой капустой, свиными сардельками и ружейным маслом. А насчет монастыря Святого Ремигия – мысль вернейшая. Аббат Теодор нам серьезно помогал на начальных этапах поисков, не откажет и теперь.

– Э, ребяташки, а как насчет рассмотреть самый скверный вариант? – серьезно спросил Тим. – Если нам придется сломя голову удирать из Германии? Один черт знает, до чего додумается местная полиция. Тогда никакое посольство и никакие деньги не спасут. Поразмыслите. И еще. После всех приключений с фейерверками, я не уверен, что покойничков с вырванными сердцами мы больше не встретим. Что-то мне подсказывает, новые жмурики будут сопровождать нас и впредь. Глупая подозрительность у нас в Техасе не в чести, мы ведем дела честно, но а вдруг кто-то просто хочет нас подставить, а золотишко забрать себе? Не думали о такой возможности? Вот теперь подумайте. Если честно, я побаиваюсь. И признаюсь в этом.

– У тебя паранойя, Тим! – отмахнулся Джералд. – У гипотетических конкурентов найдутся гораздо более примитивные способы скомпрометировать нас... Например, написать донос и заставить полицию провести тщательный обыск вещей и снаряжения – вот тебе и скандал, с обвинением в грабеже и воровстве. Тут другое. А что именно – никто понять не может...

– Я могу. По меньшей мере, могу попытаться.

Ойген Реннер изволил очнуться. Сейчас он полулежал на койке, опершись на локоть. Говорит на чистейшем английском языке, которого прежде не знал, да и знать не мог. Да и Ойген ли это?

Первым вскочил Монброн. Затараторил:

– Ох, наконец-то! Мы все так беспокоились! Как себя чувств... Господи Иисусе, Приснодева и святой Хловис... Ойген, *это ты??*

– Наверное, я, – покраснев до корней волос ответил молодой австрияк. Молодой? Вот уж нет! Прав был лорд Вулси в своих мимолетных подозрениях. На господ концессионеров взирал уже не парень-работяга восемнадцати лет, а вполне сформировавшийся мужчина, вплотную подошедший к двадцатипятилетнему рубежу. Взгляд твердый, уверенный, а не заискивающе-смущенный; плечи стали вроде бы пошире, шея толще и жилистей. Но черты лица прежние – старый шрам на правой скуле белеет, а форма у него приметная: трехлучевой звездочкой. – Господин Монброн? Милорд? Тимоти?

– Б-р-р!.. – лорд Вулси, закрыл и открыл глаза, потряс головой и с размаху опустился на сиденье, не веря своим глазам. Что за чудеса? Даже скептический Уолтер Роу рот разинул так, что любая ворона могла бы туда залететь, не испытывая никаких неудобств. Тим только замысловато присвистнул и протяжно изрек:

– Вот теперь в борьбе на руках он меня положит, не то что прежде... Зуб даю. Ты кто такой, парень? На самом деле Ойген? А ну, дайте зеркальце! Робер, у тебя точно должно быть, денди парижский! Быстрее, не копошись!

Явилось овальное зеркальце для бритья и переключалось из рук ошарашенного Монброна в ладонь Ойгена. Сначала австрийца перекосило – он замер, издал горловой звук, потом глубоко выдохнул и попытался перекреститься. Уронил зеркальце.

– А ну встань! – резко приказал Тим. – Только штаны сначала одень, неприлично.

Реннер, едва попадая ногами в штанины белых калсон с завязками внизу, вскочил и вытянулся, как на параде. Лицо его выражало два самых сильных чувства. Страх и непонимание.

– Иисус-Мария, Том-Дик-Иеремия... – потрясенно выдавил Роу. – Это... Это он. И одновременно не он. Будто повзрослел за ночь лет эдак на шесть-семь. Не бывает же такого!

Да, фигура человека расширилась, пропала юношеская худощавость, тело стало мощнее, тяжелее, круглой, объемистой мускулатуры изрядно прибавилось. Жилки синие на бицепсах видны. Но рост остался прежним – пять футов восемь или восемь с половиной дюймов. Волосы такие же – соломенные, коротко обретенные дурным куафером. Боже, да еще и щетина на подбородке, жесткая, взрослая, а не пух ранней молодости...

– Чертовщина, – вернулся к исходному диагнозу археолог, созерцая своего бывшего поденщика. – Чего торчишь, как столб, садись. Вон, рубашку мою старую возьми. Твоя нынче окажется маловата, при таких-то плечищах...

– Спасибо... сэр.

– Стоп-стоп-стоп! – на середину выскочил взъерошенный Тимоти и замахал руками. – Коли нас вторые сутки окружает откровеннейшее безумство природы и людей, давайте разберемся сразу. Не могу я просто так сидеть и смотреть на человека, которого вчера видел мальчишкой, а сегодня – мужчиной!

– Кажется вы, американцы, перебираете с деловитостью и стремлением докопаться до сути любой ценой, – безвольно изрек Джералд, не сводя глаз с Ойгена. – Объяснение простое. Человека подменили. Родным братом, например.

– Никто меня не подменял, – неуверенно ответил Реннер. – Объясните, что такое случилось? Почему я у вас в шатре? Рабочим не позволялось ходить к хозяевам, только к подрядчику и мастерам...

Тим оказался не только деловым, но и умным (что, по мнению лорда Вулси, было для современных американцев нетипично). Непутевый наследник техасского нефтяного барона мгновенно засыпал окончательно запутавшегося Ойгена вопросами о житье-бытье лагеря в последние месяцы, потребовал перечислить имена знакомых рабочих, дневную ставку в рейхс-пфеннигах, обеденные меню... А при каких обстоятельствах Ганс Шмюльке сломал руку пятого

дня? Продовольствие на какой повозке доставляли? Как проехать к деревне Кюртен, куда вы ходили в пивную на воскресенья? Кто, когда, при каких обстоятельствах нанял на работу?

Реннер уверенно указал на Монброна и рассказал о наеме в точности. Память у парня оказалась замечательная.

– Так, теперь самое главное, – втолковывал американец обеспокоенному столь мощным напором Ойгену. – Вспомни самое последнее, что ты помнишь. Перед тем, как потерять сознание ночью. Учти, это очень важно. Для тебя и для всех нас.

– Вчера-то? – озадачился Ойген, явно не соображая, что дело происходило две ночи тому. – Лег спать после работы. Потом, когда темно было, поднялся отлить. Пошел в сторону реки, а не в уборную возле палаток. Подышать захотелось – знаете, какая у нас в шатре вонища стояла? Прошел по мосткам. А потом... потом... Господи!!

Ойген резко переменялся в лице, скулы и лоб исказила гримаса настоящего, непритворного ужаса. Он отчетливо вздрогнул и уткнулся лицом в колени.

– Робер, налей ему бренди! Полную! Выпей. Выпей и рассказывай! Ну же!

Тимоти аж трясло от напряжения. Безмолвный и бледный Монброн выполнил, что приказывали и сел в дальний уголок. Ему тоже было страшно. Очень страшно. Хотелось домой, к матушке, в свою комнату, подальше от этих чудовищных загадок, так внезапно свалившихся на его голову и головы друзей.

– Я... Я уже возвращался. Там, возле мостков появилась новая промоина – раньше я ее не видел, – медленно, постоянно запинаясь, говорил Реннер. На глазах стояли слезы, но плакать перед господами он не отваживался. – Я заглянул, потому... Словно искорку какую-то увидел. Синюю. Нагнулся глянуть. И... Оно! Жгучее, горячее, щиплющееся! Не знаю, что оно такое, но оно шептало и звало к себе. Потом словно пальцы груди коснулись и начали царапать... Я испугался, закричал.

– И все? – подался вперед Джералд. – Ничего больше?

– Нет, – размашисто мотнул соломенноволосяй головой Реннер. – Меня будто отбросило ударом. Знаете, как при драке? В английском боксе? Как кулаком, причем сильным, мозолистым. Потом не помню... А... А после я очнулся на мостках и рядом стоял он.

– КТО??? – в четыре голоса рявкнули концессионеры.

– Мужчина. Но не живой. Привидение. Настоящее! Будто из синеватого тумана. Подошел, коснулся, пальцы теплые, как у живого... Вот тогда я и разорался в полный голос, как младенец, которого от титьки оторвали. Он будто впитывался в меня, внутрь, понимаете? В голову, в грудь, во все тело. Больно до невероятия! Очень больно! Он сказал, будто поживет во мне. До поры. Пока не убьет своего врага. Я, наверное, сбрендил, правда?

Концессионеры обменялись недоуменными взглядами. Да, похоже на сумасшествие, причем, наверняка, буйное. Schizophrenia. Распад личности. Но учитывая все недавние события...

– Как звали этого... человека? – осторожно осведомился мистер Роу. – Не знаешь?

– Не то Хегин... Хугин?

– Хаген? Хаген из Тронье? – подсказал лорд Вулси, и получил в ответ медленный, опасливый кивок. – Он и сейчас в тебе? Внутри?

– Наверное... Не чувствую. Однако знаю другое. Я словно бы стал сильнее. Не головой, телом. И знаю, что начал уметь что-то новое. Раньше неизвестное. И мне не нужное.

– Например? – наклонился вперед Джералд.

– Ножичек можно со стола? Благодарю, сударь. Гляньте.

Они и глянули. Ойген взял прямой охотничий швейцарский кинжал, принадлежавший Тиму, и начал вытворять с ним такое, что у онемевших зрителей в глазах зарябило. Подбросил, поймал за лезвие, а потом начал вертеть, крутить, вращать, постепенно превращая начищенное лезвие в полное подобие быстро кружащегося винта аэроплана. В таком виде перебрасывал нож из руки в руку, умудряясь не порезаться, и наконец аккуратно запустил кинжал в столб,

поддерживающий шатер. Точно в ремешок на котором висела техасская шляпа Тимоти, пригвоздив кожаный воловий ремешок намертво.

Американец, силушкой отнюдь не обделенный, подошел, хмыкнул, подергал за рукоять и развел руками.

– Теперь вынимай. Мне – никак.

Ойген встал, легкой, будто рысью походкой приблизился к толстому столбу, сделанному из ствола молодой сосны, и в одно движение извлек нож. Помялся, глянул виновато, исподлобья, и проворчал:

– Как на духу: раньше такого не умел. И теперь вроде бы не умею. А вот *знание* о мастерстве есть. Как такое может выйти, а господа?

– Дела-а... – выдохнул Уолтер Роу. – Джентльмены, либо это правда, либо все мы рехнулись. Я вынужден Ойгену поверить. Сам не знаю почему. Чувствую, говорит правду. И что теперь прикажете делать?

Молчание. Никто не знал ответа на этот, вроде бы такой простой, вопрос.

* * *

Если отправиться по берегу Рейна на север, по дороге, ведущей через прибрежные города и далее к Северному морю, то на протяжении левобережья вплоть до Бонна и Кельна можно наблюдать высокие пологие холмы, покрытые хвойными и буковыми лесами. Хребты Вогель, Айфель, затем Арденнские горы – только после нидерландской границы начиналась пойменная низина. Именно среди таких лесистых возвышенностей, милях в двенадцати к северу от древнего Вормса, расположилось небольшое аббатство, носящее имя «апостола Европы», святого Ремигия.

Жил святой Ремигий давно, еще в первом тысячелетии, и был славен обращением в христианскую веру короля сикамбров Хлодвига, самого известного представителя знаменитой династии Меровингов. Надобно заметить, что крещение Хлодвига и его войска произошло аккуратно за сто четыре года до истории с кладом Нибелунгов и гибелью королей Бургундии, являвшихся его прямыми потомками, через королей Клотара и Сигиберта Австразийских.

Аббатство, как и положено святой обители, расположилось на возвышенности, между рекой и высоким хребтом Хардт, тянувшимся почти строго с юга на север. Вдали гудела и громыхала Рейнская железная дорога, бурлила Вечная Река, а все пространства к западу, вплоть до самих Лангмайля и Рейхенбаха, тянулись нехоженные девственные леса, прорежаемые редкими охотничьими домиками местных дворян.

– Монастырь построили бенедиктинцы примерно в 1150 году, еще при Фридрихе Барбароссе, – повествовал Джералд археологу, устроившемуся на пружинных креслах открытой коляски. На козлах, между прочим, восседал не кто иной, как Ойген Реннер и довольно умело правил лошадьми. – Потом аббатство прибрали к рукам инквизиторы-доминиканцы, а лет двести назад строения перешли к епископату Вормса. Теперь обитель не столько монастырь, сколько место отдыха для важных церковных особ и громадное хранилище документов. Я бывал в тамошней библиотеке – такому собранию рукописей цены нет! Самые древние датируются десятым веком, можно найти списки с более ранних книг и свитков... Словом, если отец аббат позволит, сами взглянете. Народу там немного – десяток монахов святого Бенедикта, да столько же подсобных рабочих, живущих при монастыре. Строения древние, мрачноватые, но таких стен и современной мортирой не разобьешь. Вдобавок, здесь редко кто бывает, безлюдье нам на руку...

– Короче, идеальное место для укрытия, – констатировал сидящий напротив Роу. – Интересно, как там наши болваны? Справляются? За ковбоя я не беспокоюсь, Тим с детства с лошадьми, а вот Робер...

Позади гроыхали два крытых фургона, запряженных меланхоличными, вечно жующими тяжеловозами-першеронами. Повозки арендовали в Кюртене, но возниц нанимать не решились, – чем меньше людей будет знать, куда направляется маленький золотой караван, тем лучше. Понадеялись, что монсеньор аббат Теодор смиростивится и прикажет своим инокам-бездельникам перегнать фургоны обратно.

Первая повозка была отдана под управление Робера Монбрана, но так как «маменькиному сынку» (умевшему только хитро подмазывать чиновников и возиться с бумажками) не особо доверяли, рядом с французом устроился доктор Шпицер, прибывший из деревни к самому отъезду компании с места обнаружения сокровищ. Вещей у доктора оказалось до смешного мало – чемоданчик с одеждой и два медицинских саквояжа. Видимо, его практика в захолустном Кюртене особо прибыльной не являлась.

Вторая тяжелая колесница оказалась в крепких руках Тимоти и замыкала медленно двигавшуюся по лесной дороге процессию.

Ойгена, общим решением, взяли с собой. Пока он не проявлял признаков безумия и не заявлял, что является князем Хагеном, однако загадка мгновенного взросления настолько заинтересовала лорда Вулси, что Ойген был немедленно принят на содержание концессионеров с условием исполнения всех господских поручений и приказом смотреть в оба глаза. За чем именно смотреть, никто уточнять не стал, ибо никто не знал, какие ожидаются трудности.

«Феномен Реннера», как обозначил Джералд произошедшие с австрийцем изменения, внезапно обогатил разум Ойгена знанием языков, причем не только вполне современного английского, но и какого-то древнего, немного похожего на немецкий, однако таковым не являющимся. Лорд Вулси смирился и с этим новшеством, не описанным никакими европейскими психиатрами, решив, что если продолжит переживать из-за всех нелепиц, сопровождавших экспедицию последние дни, сам рано или поздно окажется в лечебнице Челси, где ему, как потомственному лорду и весьма обеспеченному землевладельцу, предоставят уютнейшую, обитую войлоком комнатку с видом на Темзу и зарешеченными окнами. Лучше все оставить как есть. Однажды загадки решатся сами собой. Возможно.

Ехать пришлось долго, не менее пяти часов. За это время, расположившиеся в коляске Джералд и мистер Роу, успели тщательно обсудить большинство возникших вопросов, и, разумеется, не пришли к определенному выводу. Вчерашняя катастрофа на реке, трупы без сердец, появившийся из раскопа золотистый туман, плевавший искорками и лично Ойген Реннер, умевший прямо на глазах, проходили по ведомствам чистейшей мистики и бесовства, а посему логическому осмыслению не подлежали. Согласились на том, что в природе существует множество непознанных и необъяснимых явлений, наподобие огней Святого Эльма или магии факиров. Ничего особенного.

Но каковы будут дальнейшие действия концессионеров? Бесспорно, завтра придется всей компанией тащиться в полицейское управление Вормса и пытаться вырвать у крысоподобного Киссенбарта паспорта. В крайнем случае, можно будет отослать Монбрана (как самого обаятельного и непосредственного) к вышестоящему начальству и предложить вульгарную взятку. Да, это Германия, где порядок ценится несколько выше, чем в иных странах, но кто вам, господа, сказал, будто в Германии чиновники не берут взятки? Смотря на какого нарвешься... Таким образом первый пункт программы – возвращение концессионерам их законных прав коммерсантов и путешественников. О прочем поразмыслим потом.

Начало смеркаться, и разговор археолога профессионального и археолога-любителя перетек в плавное философское русло. Вспоминали Шлимана, Раулинсона, первооткрывате-

лей Вавилон и Ниневии, размышляли над причинами, которые гонят взрослых и разумных людей на поиски древностей. Джералд, закулив сигару, спросил:

– Уолтер, между прочим, а почему вы приняли мое предложение об участии в этой авантюре, даже не раздумывая? Результат мог оказаться нулевым, да мы и посейчас не уверены, что держим в руках именно клад Зигфрида.

– Это он, уж поверьте, милорд, – нагнул багровую бычью шею Роу. – Я не говорю о признаках фактических – монетах, украшениях, оружии. В нашей добыче нет ни единой вещицы старше 600 года по Рождеству, поверьте мне как профессионалу. Истинность доказывают как раз признаки косвенные. Та самая чертовщина, которая началась после обнаружения клада. Не подумайте, я не мистик, придерживаюсь здорового рационализма нашей эпохи, но я точно знаю, что древность умеет охранять свои тайны. Слышали о проклятиях пирамид Гизы? Вот-вот. А почему взялся за это дело... Так, детский азарт. Вообразил себя Зигфридом, который обязан вырвать сокровища у дракона. У Рейна. Эта река, прячущая сокровища Нибелунгов и являлась для меня змеем Фафниром. И я его одолел.

– Как бы на своего Зигфрида не нашелся свой Хаген, – хохотнул лорд Вулси, указывая взглядом на спину сидевшего на козлах Ойгена. – Не бойтесь, а, мистер Роу? Воды Рейна – это не кровь дракона, и хотя вы в них плескались несколько месяцев, они не даруют вам неуязвимости, будто древнему Нидерландскому королю. В «Песне» четко говорится, что омывшись в крови Фафнира, кожа Зигфрида покрылась броней, неподвластной никакому оружию... А вы только сегодня поцарапались о гвоздь, когда снимали шатер.

– Шутить изволите? – одними губами улыбнулся Роу. – Еще вспомните, что проклятие дракона, лежащее на кладе, перешло мне по наследству, как и положено в сказках. Я не верю в сказки. Смысл моей веры ныне покоится в сундуках под дешевым барахлом. Жизнь состоялась, милорд.

– Хотите встать в один ряд со Шлиманом?

– Хочу, конечно. Клад Нибелунгов – это не только несколько сотен фунтов золота и камней, но и слава. И память благодарных потомков, как выражаются в книжках. Представляете заголовки в «Нью-Йорк таймс»: «Новый Зигфрид»? Не смейтесь, Джералд, я серьезно. Об этом дне я мечтал всю жизнь. И праздник наконец пришел.

– Надеюсь, и нам достанется кусочек от вашего пирога, – с улыбкой ответил Вулси. – Финансировали-то экспедицию мы с Тимоти и Робером.

– О меценатах быстро забывают. Кто помнит имя человека, который содержал и кормил слепого Гомера? Однако «Илиаду» читают по сей день. И восхищаются. И с помощью Гомера особо одаренные археологи находят потерянную Троию. Вот так, милорд.

– Да, гордыни у вас, Уолтер, не меньше, чем у Зигфрида. Впрочем, я не обижаюсь. Для нашей троицы экспедиция была лишь оригинальным развлечением, густо замешанным на мечте юности. Гунтер, Гернот и Гизельхер тысячу триста лет назад тоже мечтали об этом кладе, уж если проводить аналогии и далее.

– Они плохо кончили, – фыркнул Роу. – Впрочем, как и вся компания. А ведь вы правы, история повторяется. Зигфрид, как выяснилось, – это я. Три молодых короля – ваша развеселая компания. И Хагена по дороге подобрали. Осталось отыскать Кримхильду и отправляться к Этцелю, в Америку. Кстати, об Америке. Когда... Когда *и если* мы доставим клад в Британию, каким образом будем добираться в Нью-Йорк? Имеются мысли?

– Пароходы ходят регулярно, – пожал плечами лорд Вулси. – «Лузитания» или «Мавритания» компании «Кунард». Но я предпочитаю путешествовать судами от «Уайт Стар» – гораздо лучшее обслуживание, да и время в плавании теперь на несколько часов меньше. Возьмем билеты на «Олимпик» или «Адриатику». Или вот новшество – «Титаник», у него скоро первый рейс, однако на этот пароход мы наверняка опоздаем. Трое суток на удобном корабле – и мы прибываем в Северо-американские Соединенные штаты, наслаждаться почти честно зарабо-

танной мировой славой. Выехать из Англии не проблема, у меня масса знакомых в Адмиралтействе и министерстве иностранных дел. Главное – добраться до Лондона и сохранить наш бесценный груз.

Несколько минут ехали молча, размышляя каждый о своем. Постукивали по крытой прошлойгодней палой листвой дороге копыта лошадей, позади утробно фыркали недовольные чем-то першероны, влекущие повозки; слышалось веселое насвистывание Тимоти, сольно исполнявшего старый гимн южан-конфедератов «Бонни Блю». Лес молчал. И молчал нехорошо.

Ойген внезапно натянул поводья. Обернулся, тронул Джералда за плечо.

– Ничего такого не замечаете? – слегка напряженно спросил Реннер.

– Какого «такого»? – удивленно вздернул брови милорд. – Что случилось?

– Лес, – едва не шепотом проронил Ойген. – В лесу... плохо.

– Объяснись! – тотчас насторожился мистер Роу. – Ты что-то заметил? Необычное?

– Очень тихо. Так тихо в лесу не бывает никогда.

– Безветрие, полный штиль, – развел руками Джералд. – Ничего особенного.

– Ничего, говорите? – Ойген спрыгнул с козел, подбежал к придорожным кустам и поднял... дохлого бурундука. За хвост. Принес к коляске, продемонстрировал.

– Зверек только что прыгал. Я за ним наблюдал. А тут взял, да и свалился с ветки. Замечаете, лошади беспокоятся? Днем было ничего, а сейчас, когда темнеть начало, коняги в мыле. Едем мы медленно, лошадей не гоним, с чего вдруг? Главное – тишина. Прислушайтесь, господин Джералд. Просто прислушайтесь.

– Действительно, интересно, – спустя минуту пробормотал лорд Вулси. – Нет скрипа веток, птицы молчат, ничего не хрустит. А, чепуха! Просто старый и заброшенный лес.

– Чего остановились?! – заорал позади Тим. – В темноте хотите ехать? А привидений больше не боитесь? Ну-ка, вперед!

При слове «привидение» у всех пробежал по коже противный холодок. Никто не забыл предыдущую ночь. К счастью, странный раскоп на берегу Рейна остался в нескольких милях за спиной.

– Ойген, выброси зверька, – поморщился Джералд. – Наверное, обычный разрыв сердца. Такое случается. Поехали, осталось не более полумили вверх по склону. И выброси из головы глупые страхи.

«Мне бы самому эти страхи взять, да и выбросить, – тотчас подумал лорд Вулси, – однако не получается. Почему?».

Караван, составленный из богатой лаковой коляски и двух фургонов, оказался возле замшелых стен аббатства спустя полчаса. На квадратной приземистой колокольне нудно гудел колокол, лишь добавляя мрачности в окружающую действительность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.